

Феллини
нигелэф о

8½

Авторы сюжета:

Федерико Феллини и Эннио Флайяно

Авторы сценария:

Федерико Феллини, Туллио Пинелли, Эннио Флайяно, Брунелло Ронди

ГОРОДСКАЯ УЛИЦА. НАТУРА. ДЕНЬ

Гуидо за рулем автомобиля. Машина почти не движется. Сквозь лобовое стекло видно лишь бесчисленное множество заслоняющих все вокруг автомобилей всевозможных марок и типов, тоже почти неподвижных.

Гуидо оглядывается вокруг: справа, слева, сзади одни только машины—огромная пробка, затор, подобный спутавшемуся клубку.

В нескольких десятках сантиметров от лица Гуидо, в машине, остановившейся рядом с ним, другое лицо—лицо незнакомого мужчины средних лет, с грубыми чертами, свежесвыбритое, с маленькими глазками, выражение которых скрыто стеклами очков.

Они долго пристально смотрят друг на друга сквозь стекла автомобилей, каждый глядит на другого словно на какую-то странную рыбу за стеклом аквариума, во взгляде обоих нет ни проблеска солидарности или симпатии, а скорее лишь леденящее душу чувство ненависти из-за вынужденного и неприятного соседства. Гуидо отводит взгляд, устремляя его прямо перед собой; в машине впереди него за рулем сидит женщина. Она растрепана, одежда в беспорядке; глядясь в зеркальце заднего обзора, она поправляет косметику. Гуидо пытается разглядеть ее лицо, и оно на какое-то мгновение появляется в зеркальце—помятое, старое, патетическое, непоправимо отталкивающее.

Женщина заметила в зеркальце лицо и взгляд Гуидо; она на мгновение близоруко прищуривается, ища в зеркальце его взгляд, потом отводит глаза.

С другой стороны в автомобиле сидят двое мужчин, один старый, второй молодой, они разговаривают, причем так оживленно, словно не замечают, что творится вокруг,—это долгий, для них очень важный, какой-то таинственный разговор, который их полностью изолирует от всего остального.

Сзади в огромной черной машине, внутри похожей на гостиную, можно разглядеть лениво полулежащую на заднем сиденье красивую полуобнаженную женщину с пышными формами, пытающуюся прикрыть своими маленькими ручками обширную белую грудь. Она потупилась, а на губах ее играет слегка насмешливая улыбка.

¹ Этот сценарий во многих эпизодах отличается от снятого фильма. Но мы сочли полезным опубликовать его, поскольку сравнение с фильмом позволяет судить о творческой работе режиссера во время съемок.—*Прим. итал. издателей.*

Со всех сторон начинают раздаваться автомобильные гудки; этот протест настолько тщетен, что, скорее, кажется зовом о помощи. Гуидо опускает боковое стекло, высовывается, пытается найти путь к спасению.

Вздымающиеся по обеим сторонам высоченные стеклянные здания кажутся непреодолимыми стенами, между которыми зажата застывшая река автомобилей, загромождающих улицу насколько хватает глаз. Звуки автомобильных гудков нарастают, становятся все оглушительнее. Также и Гуидо, убрав голову из окошечка, инстинктивно принимается гудеть, на лице его застыло выражение тоски, нетерпеливого желания освободиться, бежать...

Он сигналит все громче, все дольше, и такой же исполненный отчаяния протест несется теперь уже изо всех машин, сливаясь в душераздирающий нестройный всеобщий концерт гудков по всей бесконечно длинной и широкой улице.

Взгляд Гуидо, продолжающего все более отчаянно сигналить, прикован к совсем узенькой щелке, оставшейся от не до конца поднятого стекла; в пристальности его взгляда нечто странное, чуть ли не маниакальное...

В этом его взгляде, проникнутом жадной бегства, освобождения, словно сконцентрировалась сама сущность Гуидо, и вот сквозь узкую щель уже струится все тело нашего героя, оно медленно зависает в воздухе, над равниной блестящих металлических крыш автомобилей, а затем все быстрее и быстрее взмывает вверх.

И почти сразу же вплотную притиснутые друг к другу автомашины, огромные, сверкающие стеклом здания и отчаянный хор автомобильных гудков вдруг остаются где-то далеко внизу, словно исчезнув в глубокой пропасти.

А герой летит высоко-высоко, между небом и землей, в порыве счастья и радости освобождения. Его несет сильный ветер; время от времени он, отдаваясь на волю ветра, планирует, потом одним ударом каблука о воздух вновь взмывает вверх. Под ним, далеко впереди, сверкает бескрайний морской простор, который его непреодолимо манит; он жаждет достигнуть моря, и в то же время его неожиданно охватывает страх, словно он боится в него упасть.

И в самом деле, что-то начинает его тревожить: он замечает, что к ноге его привязана веревочка, которая не дает ему подняться выше и некоторым образом направляет его полет.

Гуидо упирается, борется с этой тянущей его за собой силой, затем смотрит вниз, следуя взглядом за длинной-предлинной нитью, связывающей его с землей; там, далеко внизу, он различает на берегу моря маленькую фигурку — какого-то человека, держащего в руке конец веревочки, при помощи которой направляет его полет, словно он воздушный змей.

Это мужчина, с головы до ног затянутый в узкое зеленое трико; на которое накинута очень короткое пальтецо с поднятым воротником, а на голове у него какая-то странная каска; он напоминает персонаж из научно-фантастического романа.

Позади него, на опушке леса, виден всадник в одежде средневекового принца.

Теперь этот человек начинает все сильнее тянуть вниз нашего героя, а тот отчаянно упирается в ужасе перед неминуемым падением в море.

Он опускается, поднимается, вновь опускается, теряет равновесие, судорожно хватая руками воздух, переворачивается вниз головой и камнем летит в сверкающую далеко внизу водную гладь...

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Неожиданно вспыхнувший электрический свет будит спящего в постели Гуидо.

Чуть приоткрытыми глазами он некоторое время следит за движениями какой-то женской фигуры.

Кто-то до него дотрагивается, и прикосновение этой руки заставляет его открыть глаза и постепенно проснуться; рядом с его постелью стоит молодой мужчина. Это врач; он тороплив, стремителен, весьма самоуверен. Врач откидывает простыню, велит засучить рукав и прикрепляет к руке аппарат для измерения кровяного давления.

Врач: Пожалуйста, дайте на минутку руку...

Гуидо, еще не совсем проснувшись, с вежливой пассивностью подчиняется этой холодной медицинской агрессии. Врач туго стягивает ему руку, садится рядом на кровать и измеряет ему давление.

Врач: Вот так, спасибо. Не напрягайте руку.

На соседней кровати в беспорядке разбросаны книги, газеты, сценарии, груды фотографий.

Гуидо свободной рукой тянется к тумбочке, берет лежащие там часы и смотрит, который час.

К нему обращается стоящая подле постели медсестра:

— Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Гуидо без промедления отвечает:

— Сорок шесть.

Сестра записывает, доктор быстро снимает резиновую ленту.

Гуидо (немного обеспокоенно): Слишком низкое? Не так ли?..

Врач: Будьте добры, снимите рубашку. Вы впервые лечитесь?

Гуидо, расстегивая рубашку, отвечает несколько неуверенно:
— Да.

Врач: Какие у вас были серьезные болезни?

Гуидо: Пожалуй, никаких... По-моему, не было... В детстве скарлатина... Когда-то желтуха...

Медсестра, продолжая записывать, приказывает Гуидо, оставшемуся в майке: 117

— Также и майку!

Гуидо, после минутного колебания, стаскивает майку. До пояса раздетый, он сидит на кровати.

Врач: Ну, чем хорошеньким вы нас скоро порадуете?

Гуидо не отвечает.

Врач: Вытянитесь на кровати.

Гуидо подчиняется. Доктор щупает ему печень, игнорируя устремленный на него вопросительный взгляд Гуидо.

Врач: Опять какой-нибудь фильм, проникнутый безнадежностью?

В дверь кто-то стучит. Затем дверь сразу же распахивается, и входит молодой мужчина с шапкой черных блестящих волос, обрамляющих, словно шлем, его беломраморное лицо со светлыми, отливающими металлическим блеском глазами; на нем элегантный домашний халат, в руках он держит переплетенный сценарий.

Это тот самый человек, которого Гуидо видел во сне верхом на коне у опушки леса.

Он говорит вполголоса, а лицо его не меняет выражения, взгляд устремлен в пустоту. Он холоден, держится отстраненно, чрезвычайно самоуверен. Увидев доктора и медсестру, останавливается и говорит:

— Ах, я найду потом.

Гуидо хочет ему ответить, но врач его опережает, жестом веля молчать.

Гуидо подчиняется. Врач приставляет ему к спине стетоскоп.

Карини подходит к другой кровати. Бросает сценарий, который он держал, на подушку, берет несколько фотографий и принимается их рассматривать с по-прежнему отстраненным видом.

Взгляд Гуидо останавливается на сценарии. Он поднимает глаза на бесстрастное лицо Карини, словно пытаюсь отгадать его мысли.

Карини оставляет без внимания этот немой вопрос и продолжает разглядывать фотографии.

Гуидо: Ты прочел?

Карини, не меняя выражения лица и тона, отвечает:

— Да.

И, сунув под нос Гуидо фотографию полуодетой женщины, спрашивает:

— Кто это такая?

Врач: Дышите. Сильнее. Еще. Сделайте вдох. Еще. Можете одеваться.

Врач встает и отходит.

118 Гуидо, ища свою одежду и начиная одеваться, вновь обращается к Карини с легкой досадой:

— Ну так что же?

Карини: Мне хотелось бы обсудить это с тобой подробнее. Потом.

Врач, тем временем выписав рецепт, передает его сестре и говорит, обращаясь к Гуидо, который встает, подходит к зеркалу и смотрит в него:

— Организм у вас немножко изношен. Спасибо. Можете одеваться... Красивая девушка, американка?.. Натощак пить триста граммов святой воды в три приема через четверть часа. Грязи продолжительностью в двадцать минут. После грязей принимайте ванну продолжительностью пять-десять минут. Так, как здесь написано. *(Передает ему памятку.)*

В зеркале Гуидо видит приближающееся свое опухшее со сна, усталое лицо.

Наплыв

КУРОРТНЫЙ ПАРК. НАТУРА. ДЕНЬ

Маленький оркестрик, расположившийся на тонущей в зелени эстраде, исполняет что-нибудь широко известное из легкой музыки, нечто состоящее из сплошных звучных аккордов — «Легкую кавалерию», или «Поэта-крестьянина», или что-то из Леонкавалло.

Большой сад, окружающий курзал, переполнен — люди разного возраста, по большей части пожилые, толпятся у источника, гуляют по аллеям, украшенным тщательно ухоженными, затейливыми клумбами.

Неподалеку от того места, где раздают стаканы с минеральной водой, выстроилась длинная очередь в ожидании первой смены.

Гуидо вместе со всеми стоит в очереди, медленно продвигаясь к источнику. Он озирается вокруг со смешанным чувством любопытства и досады, вглядывается в лица стоящих рядом, смотрит на тех, кто медленно прогуливается вдалеке по аллеям, маленькими глоточками поглощая воду из стакана, что держит в руке.

В воздухе, над головами, гремят оглушительные и торжественные ноты мелодии, исполняемой оркестром. Гуидо приближается к источнику, перед ним уже всего несколько человек. Он тщетно ищет глазами источник — он видит лишь какую-то стойку или прилавок, за которым, однако, никого нет. Откуда-то снизу появляются руки незримых женщин, находящиеся в непрерывном движении: они протягивают ожидающим стаканы с водой и берут у них пустые.

Подходит очередь Гуидо: вместо того чтобы протянуть руку за стаканом, он облакачивается о стойку и с озорным любопытством, нагнувшись, заглядывает за нее.

Внизу, подле закованного в мрамор источника, суетится

целая стайка девушек в передниках — они беспрестанно нагибаются, наполняют водой стаканы, разгибаются и подают их вверх ожидающим у стойки. Несмотря на эту непрерывную и, несомненно, нелегкую работу, девушки, все очень молоденькие, болтают между собой и то и дело смеются.

Вдруг Гуидо видит перед собой, по ту сторону стойки, темноволосую девушку, прекрасную чистой и спокойной красотой, которая, улыбаясь, протягивает ему стакан.

Шум и реальные голоса вокруг внезапно стихают; девушку окружает некая разреженная тишина, хотя она с виду такая же, как ее подруги, и одета так же, как они; девушка эта, очевидно, плод воображения Гуидо.

Очарованный, он пристально глядит на нее и наконец произносит:

— Спасибо.

Потом пытается сказать что-то еще; девушка, продолжая улыбаться, некоторое время стоит, ожидая, что же он скажет, но он не находит слов, не в состоянии выразить ничего определенного, конкретного. Девушка исчезает.

Пожилая дама, стоявшая в очереди позади него, довольно грубо отталкивает Гуидо, и он со стаканом в руке направляется в сторону аллеи. На мгновение останавливается и с любопытством глядит на стакан с делениями, который держит в руке; пробуя воду, делает глоточек; судя по его виду, у воды нет никакого особого вкуса.

Но это состояние окрашенного юмором душевного спокойствия вдруг что-то нарушает, и лицо его омрачается. Он замечает сидящего неподалеку за столиком Карини: тот машет ему рукой, приглашая подойти.

Гуидо подходит к нему и садится рядом. На лице у него написано смятение и чуть ли не тоскливое отчаяние. Все столики вокруг заняты, и это еще больше усиливает смятение Гуидо.

Перед Карини на столике журнал и листок с заметками. Он смотрит Гуидо в лицо и произносит своим обычным тоном:

— Ты потом должен будешь мне сказать, следует ли мне передавать этот доклад также и твоему продюсеру... Мне не хотелось бы тебе навредить.

Лицо Гуидо передергивает легкий тик, с еле заметной вымученной улыбкой он отвечает:

— Да ты не беспокойся. Ведь тебя пригласил я сам. Читай, читай.

Карини принимается читать, то и дело приостанавливаясь, чтобы взглянуть Гуидо в глаза:

— «При первом прочтении бросается в глаза, что отсутствие определенной проблематики — или, если хотите, философской предпосылки — превращает фильм в вереницу эпизодов, совершенно случайных, хотя, возможно, и... занимательных в зависимости от степени их двусмысленного реализма. В самом деле, встает вопрос: к чему стремятся авторы? Они хотят заставить нас задуматься? Хотят испугать? Эта игра с самого начала обнаруживает отсутствие художественного вдохновения».

Карини на мгновение прерывает чтение и другим тоном, заметно менее внушительным, более дружеским, поясняет:

— Извини меня, но знаешь, может быть, это самое патетическое доказательство того, что кино отстало на полсотни лет от других видов искусства...

Некоторое время смеется, потом вновь делается серьезен и продолжает читать:

— «Сценарий не обладает также и достоинствами новаторского фильма, хотя иногда кажется, что обладает их... недостатками...»

Guido молча смотрит на него, хочет что-то сказать, но его внимание привлекает усаживающаяся за соседний столик пара. Мужчине за пятьдесят, одет он даже слишком элегантно, во всяком случае, во все новое, и его стремление таким образом компенсировать свой возраст, стать моложе — одним словом, чувствовать себя излишне непринужденно — кажется чуть смешным. Его фамилия Медзаботта. Она — девушка лет двадцати с небольшим, высокая, хрупкая, с нарочито развинченными походкой и движениями. Она также одета с излишней элегантностью, словно вышла из модного ателье. На ней множество замысловатых браслетов и, разумеется, с собой несколько книг. Когда смеется, чрезмерно подчеркивает свою веселость, дергая плечами и корчась. Ее манеры типичны для определенного круга интеллектуальной и художественной молодежи, то есть про нее можно сказать, что она неизменно проявляет жадное внимание к вещам, людям, а в первую очередь — к себе самой.

Ее зовут Глория.

Guido, надо думать, хватается за эту встречу как за предлог избежать необходимости отвечать на безжалостную критику Карини, которая, как это совершенно очевидно, его сильно взволновала. Но он сразу же берет себя в руки.

Guido: Медзаботта! Как жизнь?..

Мужчина оборачивается, узнает Guido и радостно с ним здоровается:

— О, привет!.. Как поживаешь?

Они жмут друг другу руки, а Глория улыбается еще загадочнее, чем когда-либо, ожидая, когда их познакомят.

Медзаботта (весело): Ах, значит, и ты в этих краях! Мы здесь второй день, ты пробудешь долго? (*К Глории.*) Глория... Guido...

Guido подает Глории руку и говорит Медзаботте:

— Это твоя дочь? Как она выросла!

Медзаботта отвечает без колебаний, но несколько смущенно:

— Нет, это не дочь. Синьорина...

Глория, со свойственной ей непринужденной откровенностью, прерывает его и, пожимая руку Guido, говорит:

— Глория. Глория Морен. Добрый день.

Guido в некотором замешательстве, но улыбается.

— Добрый день. Извините меня. Во всяком случае, моя ошибка — дань вашей молодости. 121

Глория с коротким шутливым поклоном говорит:

— Очень мило! Но я про вас все знаю. Пуппи часто мне о вас рассказывает.

Подходит официант и приносит поднос с двумя бокалами апельсинового сока. Какое-то мгновение все трое смущенно молчат. Когда официант уходит, Глория усаживается на свое место. Гуидо тоже садится, слегка подвигая стул ближе к своим знакомым.

Медзаботта: Ты один? А где твоя жена?

Гуидо: Я один.

Медзаботта с напускной непринужденностью:

— Тем лучше! *(Улыбается и добавляет другим тоном.)* Я имею в виду, что это вообще лучше всего.

И с таким видом, словно сообщает нечто уже всем известное, добавляет:

— Ты ведь, наверно, уже слышал про меня и Тину? Мы ждем развода.

Гуидо улыбается, будто услышал приятную новость.

— А...

Медзаботта: Именно поэтому ты нас тут и видишь *(указывая на Глорию)* вдвоем. Мы с ней обручились.

Гуидо улыбается все шире.

— Ах... Мои наилучшие пожелания...

Глория, иронически благодаря, отвечает легким поклоном.

Глория: Пуппи, передай мне сигареты.

Медзаботта: Держи, дорогая... *(К Гуидо.)* Молодец, Гуидо! Я действительно рад видеть тебя. Чем хорошеньким нас порадуешь? Здесь идеальное место для размышлений, не правда ли? А кроме того, так спокойно, чисто.

Гуидо, чтоб поддержать разговор, указывает на Карини и представляет его:

— Разреши представить... Фабрицио Карини... Писатель...

Карини привстает и пожимает руку Глории, потом Медзаботте.

Глория (к Карини): Очень рада познакомиться с вами. Знаете, я ведь ваша поклонница.

Беседа продолжается, но Гуидо погружается в свои мысли и перестает за ней следить. По-видимому, он вновь с беспокойством думает о том, что сказал ему Карини.

Карини: Весьма польщен. Синьорина — актриса? Я несомненно видел вашу фотографию...

Глория: Актриса? Да, я строю честолюбивые планы. *(Смеется и с оттенком шутки добавляет.)* Ве-сьма честолюбивые... Пока что этим все и ограничивается...

122

Медзаботта: Она окончила философский факультет.

Глория: Еще не окончила. Готовлюсь защищать диплом. Это большая разница.

Карини: На какую тему?

Глория: Довольно твердый орешек. «Одиночество человека в современном театре».

Guido тем временем берет двумя пальцами листок с заметками Карини и, держа далеко от себя, задумавшись, молча смотрит на него. Потом комментирует написанное смешной гримасой, словно иронизируя над собой...

Наплыв

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ. НАТУРА. ДЕНЬ

Маленькая станция с двумя-тремя крытыми платформами, разделенными ленточками рельсов, почти пустынна. Вдоль главной платформы медленно движется товарный поезд. Два часа дня. Guido, в ожидании, на второй платформе. От жары и скуки этого послеобеденного часа настроение у него подавленное.

Guido (про себя): Вот было бы здорово, если бы она не приехала.

Смотрит помимо своей воли — отсутствующим взглядом, словно все это его совершенно не касается, — на показавшийся вдали на путях и стремительно приближающийся поезд.

Поезд подходит к перрону и останавливается. Guido ищет взглядом — однако не слишком внимательно — кого-то среди заправивших перрон прибывших.

Он делает несколько шагов к голове поезда, потом возвращается назад и делает еще несколько шагов к его хвосту.

Всматривается в проходящих мимо пассажиров, снова смотрит на окна и площадки вагонов.

Судя по его виду, он скорее удивлен, чем огорчен тем, что не находит среди прибывших ту, которую встречал. Он останавливается, устремляет взгляд сначала в одну, потом в другую сторону перрона, вновь смотрит на поезд, из которого уже никто не выходит. Маленькая толпа приехавших редет. Начальник поезда проходит вдоль состава, захлопывая оставшиеся открытыми двери вагонов.

Guido бросает последний взгляд направо и налево, и на лице у него появляется легкая улыбка, подобная вздоху облегчения; засунув руки в карманы, он направляется более свободным шагом к тоннелю, в то время как маневрирующий товарный поезд медленно уходит, открывая главную платформу у здания вокзала.

Оттуда доносится зовущий его женский голос. Он останавливается и оборачивается.

На платформе по другую сторону пути, освобожденного ушедшим товарным поездом, стоит молодая дама и изо всех сил

машет рукой, радостно его приветствуя и зовя. Рядом с ней носильщик, согнувшийся под тяжестью чемоданов.

Гуидо на какое-то мгновение не может скрыть своего удивления и даже, быть может, бессознательной досады.

Но всего лишь на мгновение, и потом сразу же лицо его освещает веселая и сердечная улыбка. Обращаясь к даме, он громко спрашивает:

— Откуда это ты взялась?..

Женщина указывает на подземный переход и отвечает тоже громко, радостно, но спокойно:

— Из тоннеля...

Дама пожимает плечами и хохочет. Она одета в светлое, с несколько комичной изысканностью, но весьма элегантно — на ней дорожный костюм (это та самая женщина, которую мы мельком видели в самом начале в сне Гуидо). У нее пышные формы, она спокойная, белокожая, довольно красивая, в духе красоток прошлого века.

Маневрирующий товарный поезд медленно возвращается назад и скрывает ее вновь.

Гуидо входит в тоннель, быстро, стремительно сбегает по ступенькам. На лице у него ни тени какой-нибудь задней мысли или расчета, он искренне захвачен этой минутой.

Он скрывается в полутьме перехода.

И почти сразу же появляется на платформе, по которой дама — это Карла — уже направляется к выходу в сопровождении носильщика с чемоданами.

Гуидо идет ей навстречу.

Гуидо: Я стоял там... Не увидел тебя... Привет!

Быстро целует ее в щеку, воровато оглядываясь вокруг, и тут же добавляет:

— Сколько ты набрала вещей! Целых пять чемоданов!..

Карла: Всего несколько платьиц... И для вечера... Знаешь, ведь вечерние платья занимают много места...

Гуидо: Да здесь, знаешь ли, вечером все спят. Тут вовсе ничего не...

Но Карла не намерена отказываться от своих планов светской жизни; продолжая улыбаться, она со спокойным, оптимистическим упрямством настаивает на своем:

— Но здесь же курорт, сезон в полном разгаре. Наверное, будет какой-нибудь показ мод, какой-нибудь ресторанчик... Да и в нашей гостинице...

Гуидо прерывает ее, уточняя торопливо, с некоторой досадой:

— Дело вот в чем... В той гостинице, где остановился я, все занято, нет ни одного свободного номера... И кроме того, там уйма знакомых... Мне пришлось поместить тебя в другом месте... Это прекрасная гостиница...

Они выходят на вокзальную площадь; Гуидо спешит к своей машине, очень элегантно «фламинии», и зовет носильщика:

— Сюда, сюда!

Наплыв

ТРАТТОРИЯ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Дверь распахивается, в тратторию входит Карла и следом за ней Гуидо.

В зале нет ни души, выстроившиеся рядами столики пусты. Гуидо сразу же охватывает чувство глубочайшего уныния, которое вызывает это пустынное, жалкое помещение, и он хочет остановить Карлу.

Гуидо: Да нет, уйдем отсюда... Когда придешь в гостиницу, закажешь себе пару бутербродов.

Карла, по-прежнему спокойная и улыбающаяся, чуточку встревожена, но твердо решила не уступать и протестует:

— Здесь очень мило. Я проголодалась. Ты уже поел, а я-то еще нет.

Гуидо пожимает плечами и сразу же сдается, однако с лица у него еще не сходит выражение досады.

Гуидо: Разве ты не видишь, какая тут тоска?

Карла: В это время везде одинаково... Сейчас три часа! Побудем вместе, я ведь специально для этого приехала, не так ли?

Она нежно берет его ладони в свои и, втягивая носом воздух, с довольным видом добавляет:

— Чувствуешь, какой аппетитный запах...

На пороге кухни появляется полноватая молодая женщина в белом расстегнутом халате и с салфеткой в руках. По всей видимости, она обедала. Вид у нее домашний и добродушный, и она сразу же внушает Гуидо симпатию.

Решительно, но шутливым тоном он ей говорит:

— Добрый день. Если бы мы решили, не теряя времени, быстро перекусить, что у вас нашлось бы готового?

Женщина отвечает таким же тоном:

— Все, что пожелаете... Присаживайтесь...

Вместо того чтобы сесть за столик, указанный ему женщиной, Гуидо заглядывает на кухню, в то время как Карла вполголоса спрашивает у женщины:

— Будьте добры, где у вас туалет?

И, идя вслед за женщиной, словно желая оправдаться перед Гуидо, добавляет:

— В поезде ужасно пачкаешься... Все руки черные...

Но Гуидо ее даже не слушал; с потерянным видом он оглядывается вокруг, берет с тарелки оливку, жует ее и, не зная, что ему делать, тоже направляется в туалет. Он открывает дверь и остается стоять на пороге, прислонившись к косяку.

Внутри, перед зеркалом, висящим над раковиной, Карла не спеша, тщательно приводит себя в порядок: расчесывает волосы, потом аккуратно кладет гребенку обратно в сумочку, снимает кольца, начинает мыть руки. Присутствие Гуидо ее ни капельки не смущает, напротив, она, довольная и невозмутимая, продолжает разговор:

— Я смотрела... на свой костюмчик. Он почти совершенно не помялся после двух часов в поезде... Это какая-то новая ткань. Правда, миленький костюмчик? Я видела нечто похожее в «Воге»... Ты себе представить не можешь, сколько мне пришлось ходить, чтобы найти эту материю... Я была просто в отчаянии... Но ты ведь знаешь: уж если Карла что-то задумает...

Гuido не столько слушает Карлу, сколько смотрит на нее; он глядит на ее мягкие белые руки под струей воды, подходит к ней, слегка взволнованный, обнимает за талию и прижимает к себе.

Гuido: Моя красавица!

Карла, с довольным видом улыбаясь, пытается вырваться.

— Ну что ты делаешь?... Успокойся, перестань... Здесь не место...

И, освободившись из его объятий, деловым тоном произносит:

— А сейчас я хочу обедать.

Карла и Гuido сидят за столом друг против друга. Карла ест с завидным аппетитом, спокойно, обстоятельно, не спеша, изящно и аккуратно обгладывая косточки. Гuido не ест; то и дело, чтоб убить время или из любопытства, он что-нибудь берет с тарелки у Карлы и с тарелок, которые женщина подает на стол; он слушает Карлу и глядит на нее то с любопытством, то с веселой улыбкой, однако часто отстраняясь и забывая о ней.

Карла: Бедняга Луиджи, он такой славный... А я никогда не вижу, чтобы он был доволен... Ты знаешь, мой муж не из тех, что идут вверх... Только не он... И он чувствует себя несправедливо обиженным, страдает... Причем он совсем не дурак, он очень умен... Но он растяпа. Нужно, чтобы его кто-нибудь подтолкнул... Он до сих пор работает в этом ЧЕИАДе, все с тем же окладом... Почему бы тебе не подыскать ему какое-нибудь местечко, ведь у тебя столько знакомых? Ты действительно должен ему немножко помочь... Я была бы тебе так благодарна...

СПАЛЬНЯ. ГОСТИНИЦА. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Карла и Гuido лежат рядом в постели. Комната погружена в полумрак—это номер в шикарной и современной гостинице, совершенно безликий. Гuido уснул на полном плече Карлы, которая, боясь разбудить его, лежит неподвижно, разглядывая комнату.

Наконец Гuido открывает глаза, улыбается. Карла, воспользовавшись этим, меняет позу и несколько раз сгибает и распрямляет руку. Она тоже безмятежно улыбается и говорит:

— У меня уже начала неметь рука...

Гuido: Могла ее выдернуть...

Карла: Ты так сладко спал...

Гuido улыбается, охваченный каким-то сладостным оцепенением. Карла тянет руку к тумбочке, берет пачку сигарет и спрашивает со спокойной материнской заботливостью:

— Курить хочешь?

Гuido: Да...

Карла: Тебе зажечь?

С такой же естественностью, но в глубине души польщенный, Гuido позволяет за собой ухаживать:

— Спасибо...

Карла зажигает сигарету, вставляет ему в рот, потом наливает в стакан минеральной воды и пьет, но, отпив половину, останавливается и предлагает Гuido:

— Хочешь?

Гuido, по-прежнему лежа с полузакрытыми глазами, утвердительно кивает головой и, в то время как Карла, напившись, вновь устраивается рядом, спрашивает ее:

— Ты что, не спала?

Карла: Я думала...

Некоторое время она лежит с отрешенным видом, устремив взгляд в потолок, а потом, указывая на люстру, лениво произносит:

— Такую люстру, в точности как эта, я видела в магазине на виа Томачелли — она стоила восемь тысяч лир.

И, подумав минутку, добавляет:

— Она бы подошла для моей гостиной...

Гuido принимается ее медленно гладить.

— Какая у тебя белая кожа... Какая ты красивая...

Карла: Ты находишь?.. Мне надо немножко похудеть — ну хотя бы на три килограмма.

Гuido: Нет, нет. Прекрасно и так...

Он наклоняется над ней, такой мягкой и широкой; глаза его по-прежнему полуприкрыты.

Несколько мгновений спустя, не меняя тона, с рассеянным видом Карла спрашивает:

— А как называется эта гостиница?.. Надо сообщить телеграммой адрес Луиджи... Он так волнуется... Когда я уезжаю, он мне пишет чуть ли не каждый день... Вот увидишь, уже послезавтра от него будет письмо... Он пишет такие красивые письма... Я тебе дам почитать... Отель «Принчипе»?

Гuido, мысли которого уже где-то далеко, рассеянно кивает:

— Да...

Карла некоторое время молчит, она поворачивается к Гuido, смотрит на него, словно изучая его лицо, потом продолжает материнским тоном:

— Ты носишь синее, цвета морской волны? Тебе должно бы идти... Я хочу связать тебе свитер... Или, может, лучше

желтый, канареечного цвета... Это так элегантно, я свяжу тебе в косичку... с высоким воротом... Для зимы очень удобно... 127

Гуидо продолжает лежать неподвижно, с закрытыми глазами, прижавшись к ее белому, мягкому телу.

Он засыпает и неожиданно оказывается на маленьком кладбище среди бескрайнего поля...

ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ. НАТУРА

Гуидо стоит подле какого-то маленького строения с узкими высокими окнами, напоминающего часовенку или склеп; также и все вокруг лишь похоже на кладбище, но и не совсем кладбище.

Женщина средних лет старательно ухаживает за маленьким цветником возле часовни: выпалывает траву, сажает в землю цветы с корнями, поливает. Все это она проделывает выверенными и точными движениями домашней хозяйки, занятой уборкой своей квартиры. Потом метлой и тряпкой она принимается обметать ступени часовенки.

Мать: Если не позаботимся мы, то кто же позаботится? Кроме того, у нас будет совесть чиста. Главное — не приходиться с пустыми руками. Не нужно быть эгоистом — достаточно поглядеть на твоего дядюшку. Рано или поздно приходится дорого расплачиваться. Ты уже поел? Что тебе приготовить?

Гуидо (тоном упрёка, чуть ли не с досадой): Да оставь ты это, не то устанешь. *(Потом с некоторым скрытым сомнением, взволнованно.)* Ты ведь мама, не правда ли?

Женщина перестает мести, поворачивается и смотрит на Гуидо с то же взволнованной, исполненной глубокой любви улыбкой, благодарная за то, что он ее узнал, и негромко говорит:

— Гуидо!.. *(Голосом, прерывающимся от слез, продолжает.)* Этому нет ни конца ни края! Я только минуту назад все привела в порядок. Каждый день с утра до вечера одно и то же... И все без толку! Как я вышла замуж, так только этим и занимаюсь! Я не могу больше!..

Но Гуидо уже стоит на пороге склепа-часовенки и заглядывает внутрь. Посреди пустой тесной комнатки на стуле сидит отец. Рядом с ним, на полу, чемоданчик. Он в шляпе, которой еще не успел снять, вид у него расстроенный, печальный, одинокий.

Он здоровается с Гуидо ласково, но в голосе его огорчение, чуть ли не упрёк.

— Ты видишь, какой тут низкий потолок?.. Могли бы сделать и повыше... Я себя не слишком хорошо чувствую... Я хотел бы... по-другому... Тут очень плохо, Гуидо, очень плохо... Ты не мог бы этим немножко заняться? Я себя не слишком хорошо чувствую... Сделай что-нибудь... Я хотел бы...

Гуидо (с тоскливым отчаянием): Чего, папа?

Отец: Я хотел бы... Я хотел бы...

Гуидо овладевает чувством бесконечной печали, он в тоске озирается вокруг...

...Женщина, которая возилась с цветами, стоит неподалеку, почти спиной к нему, в позе глубокой скорби.

Мать (исполненным ложного значения тоном журналиста): Каковы границы твоего нонконформизма?

Гuido (ошеломленный): Я не знаю...

Мать: Перечисли, пожалуйста, десять вещей практического порядка, которые ты больше всего не третишь в жизни...

Гuido: Я не помню...

Мать (с огорчением): Ах, Гuido, Гuido... Почему ты так поступаешь? *(И вновь тоном журналиста.)* Ты никогда не лжешь самому себе? А если лжешь, то в каких случаях? *(Потом печально.)* Ты все еще грызешь ногти?

Вдали, по кладбищенской аллее, движется короткий кортеж: две-три женщины в слезах, офицер карабинеров в полной парадной форме, балерина в балетной юбочке, тоже плачущая, два клоуна и трое детей, лижущих мороженое.

Мать положила голову на плечо Гuido и, чуть не плача, со все возрастающим душевным порывом говорит ему:

— Что мне делать, Гuido?.. Я делаю все, что могу... Ах, Гuido, Гuido...

И целует его, крепко, в отчаянии, не так, как мать целует сына. В самом деле, женщина, сжимающая Гuido в объятиях,— это Луиза, его жена.

Гuido чуть ли не с ужасом вздрагивает от неожиданности. Пытается силой освободиться от объятий.

Жена: Ты устал, мой бедный Гuido. Теперь пойдем домой.

И так как Гuido растерянно смотрит на нее, добавляет:

— Ты не узнаешь меня? Я Луиза, твоя жена. О чем ты задумался?

ИНТЕРЬЕР. КОРИДОР, ЛЕСТНИЦА В ГОСТИНИЦЕ. ВЕЧЕР

Гuido выходит из своего номера в конце коридора, запирает дверь на ключ и направляется к площадке широкой лестницы. Останавливается перед дверцей лифта, нажимает кнопку вызова и ждет, прислонившись к стене и уставившись себе под ноги.

Вдруг, словно почувствовав рядом чье-то присутствие, он медленно поднимает глаза и видит в нескольких шагах от себя темноволосяную девушку, уже явившуюся ему у источника.

Она, словно ожидая от него чего-то, улыбается ему. Гuido в ответ тоже улыбается; снова делает попытку заговорить с ней, но его улыбка свидетельствует о том, что он уже заранее примирился с тем, что не сможет этого сделать, заранее в этом признается.

Гuido: Но ты...

Девушка, подождав еще мгновение, продолжая улыбаться, качает головой, словно в знак нежной к нему жалости и своего разочарования, а затем исчезает.

ГОСТИНИЧНЫЙ КОРИДОР И ЛЕСТНИЦА. ВЕЧЕР

129

Большая кабина лифта медленно опускается и останавливается. Гуидо распахивает наружную дверцу, одновременно в лифте открывается внутренняя.

Прямо перед собой, уже почти войдя в лифт, Гуидо видит старика-прелата; по его золотому кресту и красным пуговицам мы понимаем, что это князь церкви. Лицо у него восковое, взгляд устремлен в пустоту; рядом с ним заботливый и бдительный молодой священник.

Гуидо мгновение колеблется, входить ли ему, тем более что кардинал, наверно, его даже и не заметил; однако, по-прежнему не глядя на него, старик слегка кивает, словно приглашая войти.

Гуидо входит, обе двери автоматически закрываются, и кабина продолжает свой путь вниз — на первый этаж.

КАБИНА ГОСТИНИЧНОГО ЛИФТА. ИНТЕРЬЕР. ВЕЧЕР

Гуидо прислонился к стенке лифта, противоположной той, на которую слегка опирается кардинал. В кабине царит весьма тягостное молчание. Гуидо разглядывает эту восковую таинственную фигуру, а кардинал по-прежнему словно не замечает его.

Наконец лифт доходит до первого этажа и останавливается.

Двери автоматически раскрываются, и Гуидо отходит в сторону, чтобы пропустить прелата, который, вновь еле заметно поклонившись, покидает кабину, едва касаясь пола. За ним сразу же следует молодой священник, пытающийся при каждом шаге предложить руку и поддержать его.

Гуидо, слегка поклонившись, тоже выходит вслед за священнослужителями.

ХОЛЛ ОТЕЛЯ. ИНТЕРЬЕР. ВЕЧЕР

Два пожилых священника, сидевшие в уголке полного людей холла, сразу же поднимаются с кресел и спешат навстречу кардиналу. Они прикладываются к его кольцу и, встав в кружок с ним и молодым священником, начинают что-то вполголоса обсуждать. Гуидо, выйдя из лифта, провожает кардинала глазами и наблюдает за его встречей с теми, кто его ожидал. Но сразу же кто-то подходит и к нему обращается — это мужчина угодливого и подозрительного вида, одетый с претензией на элегантность, но выглядящий вульгарно. Его зовут Чезарино, это один из ассистентов.

Чезарино: Здравствуйте, дотторе. Я привел вам стариков.

Гуидо удивлен, он уже заранее раздражен и готов отбиваться.

Чезарино: На роль отца...

Его немедленно перебивает и оттесняет другой тип, который тоже поджидал Гуидо у входа. Он хватается Гуидо под руку,

130 тащит за собой и без всяких предисловий, изливая, видно, давно уже наболевшее, начинает разговор в агрессивном тоне, лишь слегка замаскированном необходимым уважением к режиссеру.

Вновь пришедший—массивный, приземистый мужчина со скуластым, как у римской статуи, лицом и очень коротко подстриженными ежиком черными волосами. Это директор картины, зовут его Бруно.

Рядом с ним—господин средних лет в пальто, шляпе и шарфе и с большим портфелем под мышкой, держится он очень почтительно и не раскрывает рта. Это кассир.

Бруно: Послушай, или мы построим его из железобетона—и это обойдется нам в пятьдесят миллионов,—или сделаем из дерева, и страховая премия не покроет риска. Как ты решишь?

Гуидо раздраженно освобождается от его руки.

Гуидо: Слушай, ты не должен брать меня под руку. Извини, но мне это, знаешь ли, неприятно. И надень галстук.

Бруно еле сдерживается.

Бруно: Ладно, следующий раз я надену фрак. А инженеру я скажу, что все бросаю и ухожу...

Гуидо уже его не слушает. Сидящая неподалеку в кресле элегантная девушка, высокая, худая, приветственно и призывно машет ему рукой, пытаясь обратить на себя его внимание.

Кисло-сладким любезным тоном она говорит:

— Наконец-то!

Гуидо прерывает Бруно и с нескрываемой досадой спрашивает:

— Ну кто ее сюда приглашал?..

Тем временем какой-то седовласый господин с розовым лицом, в очках и черном пальто, придающем ему важный и парадный вид, вскакивает с дивана, где он сидел с Карини неподалеку от Эди, и устремляется навстречу Гуидо. Это Маттиа, агент девушки.

Маттиа: Могу ли я приветствовать художника? Ты прекраснo выглядишь.

Он берет Гуидо под руку и ведет его к креслу Эди, говоря сердечным и доверительным тоном, но вместе с тем как бы чуточку предостерегая:

— Учти, я заставил ее отказаться от двух контрактов, чтобы дождаться. А кроме того, мы до сих пор еще в глаза не видели сценария. Я смогу быть тебе полезен...

Гуидо целует Эди руку, которую она ему, не вставая, расслабленно протягивает, говоря при этом шутливым, но несколько агрессивным тоном:

— Я вообще ничего не знаю, только то, что должна менять уйму платьев и говорить по-французски. Кроме того, мне сказали, что я должна есть макароны, и я их ем уже целый месяц. Я поправилась на три кило.

Гуидо пользуется случаем переменить разговор и одновременно немножко пощупать актрису. Шутливым жестом он дотрагивается до ее бедер.

Гуидо: Где?.. Покажи-ка.

Эди, не обращая внимания, поворачивается к Карини и спрашивает:

— Вы ведь автор сценария, не так ли? Там есть эта роль?

Карини очень серьезно обращается к Гуидо:

— Что я должен ответить?

Гуидо здоровается с английским художником, одетым со спортивной элегантностью, который неподалеку утопает в кресле с бокалом в руке.

Гуидо: Сейчас посмотрим... Хэлло!..

Англичанин, развинченно жестикулируя, говорит с отстраненным юмором:

— I don't want bother you... Гостиница неплоха... The bar all right... But I have only two questions...¹

Гуидо с извиняющейся улыбкой жестами заверяет, что все будет в порядке, и говорит:

— Обязательно, обязательно, потом, позже...

Потом снова видит путающегося у него под ногами Чезарино.

Гуидо: Ну, что тебе надо?

Чезарино: Трое стариков.

Гуидо обращается к журналисту:

— Excuse me².

При приближении Гуидо с дивана поднимаются три пожилых артиста на выходных роли; они прилично одеты, вид у них подобострастный и обеспокоенный.

Гуидо кивком головы здоровается и смотрит на них, внимательно разглядывая, однако их вид, словно молящий о снисхождении, сразу вызывает у него раздражение.

Гуидо: Прекрасно, прекрасно...

И хочет уйти. Чезарино, пытаясь его задержать, спрашивает:

— Кого же из них вы возьмете, дотторе?

Гуидо: Они недостаточно стары...

Чезарино с преувеличенно удивленным видом отвечает:

— А что, вам нужны три трупа?

С гнусной ухмылкой он указывает на одного из стариков и добавляет:

— Вот этот уже два месяца как помер!

Старик, на которого указал Чезарино, выжимает жалкую улыбку, качает головой и разводит руками, словно хочет подтвердить, что это действительно так, что он уже мертв...

¹ Я не хочу вас беспокоить... Бар нормальный... У меня всего два вопроса... (англ.)

² Извините (англ.).

132 НОЧНОЙ КЛУБ. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Ночью термальный курорт преобразуется, центральный павильон превращается в своего рода гротесковый ночной клуб. Под брезентовыми навесами и пляжными зонтиками, защищающими зрителей от дождя, расставлены столики — они окружают танцевальную площадку, по краям которой ослепительно сверкают неоновые огни. Неоновые лампы развешаны и меж деревьев. Мощный рефлектор освещает оркестр, лучи других рефлекторов следуют за движениями артистов, выступающих в программе варьете.

Публика богатая, самодовольная, это люди на отдыхе. Пожилые женщины в ирковских палантинах, тусклые лица мужей, зрители, которых легко удовлетворить. За двумя сдвинутыми вместе столиками сидит компания, в которой мы видим Гуидо. С ним Карини и кинопродюсер, коммендаторе, а также не раскрывающая рта молодая актриса с весьма яркой внешностью.

КУРОРТ. НОЧНОЙ КЛУБ. НАТУРА. НОЧЬ

Заметки для этой сцены.

Паче держится по отношению к Гуидо с очень большим уважением и восхищением, из-за чего Гуидо ощущает еще большую неловкость и смущение. Американский журналист то и дело обращается к нему с насмешливо-шутливыми, но точными и по существу серьезными вопросами; Гуидо это сильно раздражает, и он неизменно старается избежать ответов, к которым не готов.

Глория (возможно) заодно с Гуидо (?).

Медзаботта, Глория, Бруно, Эди со своим агентом Маттиа и английский журналист.

Гуидо, в состоянии некоторого отупения, расслабившись, слушает нескончаемую исповедь Медзаботты, который говорит почти шепотом, и время от времени с шутовским довольным видом подает реплики, участвуя в невероятно банальном и вульгарном застольном разговоре.

За одним из столиков неподалеку сидит в одиночестве с чопорным видом Карла, которая то и дело бросает деланно рассеянные взгляды на компанию. Гуидо, временами вспоминая о ее существовании, ищет ее глазами чуть ли не с отеческим беспокойством и тотчас вновь о ней забывает.

На площадке для танцев, служащей импровизированной сценой, выступают со своим номером Морис и Майя: он — мужчина лет сорока, элегантный, во фраке, держащийся весьма уверенно, она — темноволосая красивая девушка в тесно облегающем платье из блестящего, переливающегося шелка. На глазах у нее черная повязка, она стоит навтыжку, застыв у школьной доски, в то время как ее партнер с подчеркнутой непринужденностью конферансье беседует с публикой; он говорит с легким иностранным акцентом.

Медзаботта: Я знаю, в душе ты про меня думаешь, что я совсем сдурел, впал в маразм... Я на тридцать лет старше ее... Ну и что с того? Пусть я дурак, старый идиот, который за все платит, ну и ладно, думай обо мне что хочешь... Ну и что с того?

Guido: Да нет, с чего ты взял?.. Как ты можешь считать, что я...

Медзаботта: Ты следишь за ходом моих мыслей? Почему она решила сойтись со мной? Из-за денег? Разумеется. Но все же она со мной. Я не строю никаких иллюзий. Пусть из-за денег, хорошо. И все же я чувствую рядом с собой близкого человека, как никогда еще не случилось в моей жизни. Вот погляди на нее. Она простая, добрая, неглупая, у нее все на месте. Только из-за денег? Но ведь сегодня вокруг столько молодых людей с деньгами! Сколько душе угодно.

Guido: Да, конечно, нет никакого сомнения, что она тебя также и любит...

Их прерывают громкие аплодисменты публики: на эстраде Майя с завязанными глазами кончила писать мелом на доске крупными цифрами семизначное число. Морис раскланивается, продолжая конференс:

— Отбросим всякие сомнения по поводу того, что дело, мол, в простом совпадении или, что еще хуже, в каком-то трюке... Я действительно передаю свои мысли мадемуазель Майе...

С этими словами Морис не спеша спускается с эстрады и ни на секунду не умолкая, начинает бродить среди зрителей.

За сдвинутыми столиками продолжается разговор.

Паче: Дело в том, что ныне прошла мода на красивых женщин. Сегодня нужен еще и ум.

Guido, все так же немного иронизируя, возражает:

— Только, ради бога, не говорите плохо об уме, это стало слишком легким делом, а то и так вокруг одни кретины...

И вновь прислушивается к тому, что шепчет ему Медзаботта, в то время как с другого конца стола доносится еще одна реплика Паче:

— Это нравится нам, потому что мы интеллектуалы, но не зрителям...

Медзаботта: Она, знаешь ли, совершенно не давила на меня, не заставляла принять решение. Никогда ни одного плохого слова о моей жене, о моей семье. никогда никаких упреков...

Guido: Где ты с ней познакомился?

Медзаботта: Она училась в школе с моей дочерью...

Глория, любопытствуя и несколько тревожась, вмешивается в их разговор:

— О чем это вы там беседуете?

Медзаботта: Ни о чем, ни о чем... (*К Guido.*) Будущее? Старость? Ты смешишь меня... Я знаю, что через десять лет я стану стариком...

Guido: А твоя жена?

Медзаботта: Жена это восприняла не слишком хорошо. Она ее ненавидит. А она жену, подумай только, ни капельки! Вот теперь, сложив все вместе, скажи мне, но только совершенно честно: дурак я или нет?

Guido: Нет, нет... Если ты ее любишь...

Медзаботта: Да, я люблю ее... Потому что она умна... Умеет судить о людях, о жизни... Знаешь, и в сексуальном отношении мы подходим друг другу... Даже очень... Если она выбрала меня, значит, должна быть какая-то причина, не так ли?

Обращается к проходящему официанту и заказывает:

— Мне еще одно виски...

Глория: Нет, никакого виски, тебе хватит. Лимонад!

Польщенный Медзаботта шутливо жалуется Guido:

— Она уже ведет себя как жена. Хорошо я влип!

Глория: Прошу тебя, пупсик, не будь легкомыслен. Лимонад...

Компания Guido замечает, что вокруг воцарилась глубокая тишина: неподалеку от них остановился Морис, который выполняет еще один свой опыт. В наступившей тишине слышится голос Карини:

— С шестнадцатимиллиметровой камерой можно сделать все. Достаточно пятидесяти миллионов...

Морис: Ecrivez, alors!.. Allez-y...¹

Стоя у доски по-прежнему с завязанными глазами, Майя пишет крупными печатными буквами: «Обслуживание включено в стоимость заказанных блюд».

Опыт встречают аплодисменты и веселое оживление зрителей, а Морис направо и налево демонстрирует программку, которую держит в руке, и отдает ее господину, сидящему за одним из столиков. Потом подходит все ближе к столу Guido, продолжая говорить:

— Хочу пояснить, что мои опыты не запрещены законом. Я не насиливаю ничью волю, я ограничиваюсь лишь тем, что передаю мысли на расстояние. Как это происходит, не знаю сам, однако это действительно происходит...

Обращается к Guido:

— Прошу вас, синьор, будьте так добры, напишите здесь какую-нибудь фразу, уравнение или стихотворную строку. На любом языке... Я не обязательно должен его знать... Ни я, ни мадемуазель Майя... Напротив, даже лучше, если он нам незнаком... Пожалуйста, синьор...

Guido: Я не знаю... Может, лучше попробовать с кем другим... Я...

Морис: Напишите что угодно...

Guido: Вы можете передавать все?

¹ Итак, пишите!.. Начали... (франц.)

Морис: Все, что вы напишете...

135

Гuido слегка улыбается, словно у него мелькнула какая-то забавная и интересная мысль. Он быстро что-то пишет и протягивает листок Морису. Тот читает с несколько неуверенным видом и, наклонясь к Гuido, шепотом просит у него пояснений—очевидно, он не совсем ясно разобрал написанное. Гuido, с прежней улыбкой, утвердительно кивает.

Морис: Vous êtes prête, Mademoiselle?

Майя: Oui¹.

Морис внимательно глядит на листок, закрывает глаза, вновь открывает, сосредоточивается и говорит:

— Ecrivez, allez-y!

Майя печатными буквами, довольно медленно, пишет крупно на доске:

«АЗАНИЗИМАЗА»²

Морис читает, повернувшись к Гuido, словно прося у него подтверждения, в то время как зрители, не зная, что думать, молча застыли в ожидании.

Морис: «Аза-низи-маза»... Правильно?

Гuido: Правильно.

Публика аплодирует. А Медзаботта спрашивает у Гuido:

— Что это значит?

Гuido, слегка, чуть загадочно улыбаясь, в ответ пожимает плечами.

КУХНЯ В КРЕСТЬЯНСКОМ ДОМЕ. ИНТЕРЬЕР. ВЕЧЕР

Пара женских рук погружает в наполненную вином деревянную бадью мальчика лет восьми и сразу же за ним в ту же бадью—другого, почти такого же возраста. Радостные и возбужденные громкие крики детей наполняют большую деревенскую кухню; кухня, освещенная лишь керосиновой лампой и отблесками пылающего в очаге пламени, полна теней, углы ее тонут в полумраке.

Две пожилые женщины—бабушка, с изборожденным морщинками простым лицом, и няня, коренастая, светловолосая, еще без седины женщина средних лет,—изо всех сил трут извивающиеся в вине детские голые тела. Эйфорическое возбуждение обоих мальчишек все возрастает, превращаясь в чуть хмельное безудержное радостное веселье. Они брызгают друг на друга вином, вопяют, хохочут во все горло, пытаются лизнуть вино, что-то кричат, вставляя в слова лишние слоги, как это делается в известной детской игре.

Микеле: Бабушка!.. Гуи-зи-до-зо пье-зе-т ви-зи-но-зо!..

¹ Вы готовы, мадемуазель?—Да (франц.).

² От «anima» (лат.)—душа.

136 *Guido*: И он тоже!.. Бабушка!.. И Микеле тоже!.. Ми-зи-ке-зе-ле-зе на-зу-пил-ся...

Чуть хмельной и ослабевший от смеха, *Guido* сбился, другой, безудержно хохоча, отвечает:

— На-зи-пил-зи...

Микеле это тоже не дается; безумно смеясь и веселясь, *Guido* делает новую попытку:

— На-зи-пил-зи-ся-зи...

Мальчишки, разойдясь вовсю, обливают друг друга... Обе женщины, продолжая растирать детей, безуспешно пытаются их утихомирить. Окрики становятся все резче и громче, пока одна не отвешивает кому-то из них подзатыльник, что только усиливает веселье.

Бабушка и няня: Не прыгай!..— Опусты руки!..— Не лижи!..— Стой спокойно, я сказала!..— Ты понял? Хочешь, чтобы попало?— Смотри, ты у меня получишь!..— Ну!..

Они подхватывают мальчиков, сначала одного, потом другого, и запеленывают, как мумии, в большие полотенца. Резкими движениями их обтирают, в то время как дети продолжают хохотать и брыкаться.

Няня: Это полезно, полезно!.. Вот увидишь, каким сильным ты себя почувствуешь завтра утром! Ну, не дергайся, не дергайся...

Бабушка: Теперь в постель... Спать...

Сильные, надежные руки женщин поднимают и несут мальчиков, по-прежнему завернутых в полотенца, в спальню, вверх по полутемной лестнице.

Мы видим квадратное и спокойное лицо няни, а под ним— глаза *Guido*, чувствующего, как его, мерно покачивая, несут вверх по лестнице во все сгущающемся сумраке; его охватывает чувство полной отрешенности и счастливой уверенности... Вокруг танцуют тени, потолок скрывает темнота.

СПАЛЬНЯ. ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Guido укладывают в большую кровать с балдахином в глубине просторной деревенской комнаты, освещенной маленькой керосиновой лампой.

Одеяло вздыбилось изнутри из-за греющей постель металлической жаровни; няня ее убирает и устраивает мальчика в постели.

Guido забирается, как в берлогу, в теплую постель с чувством какого-то первобытного, полностью захватившего его блаженства.

Все более смутно он слышит глухое бормотание няни; ее руки заправляют одеяло, ее лицо то склоняется над ним, то отдалекается, то вновь приближается в неверном свете лампы. Отчетливо он различает лишь отдельные слова:

— ...Крестное знамение. Во имя Отца, Сына и Святого Духа...

Гуидо, уже в полусне, быстро крестится под одеялом.

Лежа с полузакрытыми глазами, он следит за неспешно двигающимися по комнате старухами, но даже не замечает, как они уходят; взгляд его бродит по таинственным очертаниям свисающего над ним балдахина, по мебели, тонущей в густой тьме, по слабым отблескам, отбрасываемым на белые оштукатуренные стены огоньком керосиновой лампы.

От порывов ветра скрипят ставни, а когда ветер врывается на чердак, оттуда доносятся его долгие завывания.

Свернувшись клубочком под одеялами, Гуидо погружается в глубокое сладкое и таинственное забытие, исполненное бессознательного счастья.

ГОСТИНИЧНЫЙ ХОЛЛ. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Поздняя ночь.

Гуидо в одиночестве возвращается в гостиницу. За стойкой, покачиваясь из стороны в сторону, дремлет портье. Услышав шаги Гуидо, он крепко жмурится, потом медленно открывает глаза.

Портье: Дотторе, вам два раза звонили из Рима... Ваша жена.

На лице Гуидо на мгновение отражается чуть заметная досада.

Гуидо: Когда?

Портье: Первый раз с час назад и совсем недавно. Не больше десяти минут назад.

Вновь тень досады пробегает по лицу Гуидо.

Он говорит портье:

— Пожалуйста, вызовите Рим. 794-722. Закажите срочный разговор.

Портье: Это ни к чему. В такое время соединят сразу же. Вы будете говорить из номера?

Гуидо: Нет. Закажите сюда.

В то время как портье делает вызов, из полумрака, окутывающего лестницу, появляется кассир и идет навстречу Гуидо, говоря вполголоса:

— Приехал американский актер... Он вон там... Ожидает вас уже два часа...

Гуидо делает жест, выражающий любопытство и вместе с тем глубокую досаду. Направляется в соседний с холлом пустынный зал и, вытянув шею, осторожно туда заглядывает.

Утонув в глубоком кресле, спит, откинувшись головой на спинку, высокий, элегантно одетый мужчина.

Кассир хочет подойти и разбудить американца, но Гуидо поспешно его останавливает.

Гuido: Нет, нет, не надо... Оставь его... Завтра...

И поворачивается в сторону холла, где зазвонил телефон. Портье за стойкой, ответив на звонок, делает знак Гuido и указывает на кабину.

Портье: На проводе Рим, докторе...

Гuido, вместо того чтобы зайти в кабину, подходит к стойке и берет трубку из рук портье.

Гuido: Алло, я слушаю...

Раздается профессиональный голос телефонистки с междугородной:

— Рим на проводе... Пожалуйста, говорите...

Почти сразу же в трубке слышатся какие-то неясные и оживленные голоса, в то время как Гuido кричит:

— Алло!.. Это ты, Луиза?

В телефоне слышен мужской голос (это Андреа), который громко, чуть шутливо произносит:

— А вот и он, Луиза!

Потом сразу же вплетается женский голос (это Тина), который повторяет:

— Луиза!.. Звонит Гuido...

И, обращаясь к Гuido, этот голос на фоне смеха и шума других голосов говорит:

— Откуда это ты явился так поздно, гуляка? Ничего себе лечение...

Раздраженный, но заставив себя придерживаться тоже этого общего шутливого тона, Гuido — он узнал голоса — здоровается:

— Привет, Тина... Здравствуй... Так вы дадите мне или нет Луизу?

Голос Тины: Да вот она.

И сразу же голос Луизы, чуть глуховатый и серьезный, несмотря на шутливый тон окружающих, спрашивает:

— Гuido? Я тебе дважды звонила. Где ты был?

Гuido: Да, мне передали. Очень жаль. Я был в номере у Карини... Мы с ним до сих пор работали. Как поживаешь?

Голос Луизы: А ты как?.. Тебе помогает лечение? Как ты чувствуешь, оно идет на пользу?

Гuido: Думаю, что да... Но приходится и тут работать... А ты что поддельваешь? Развлекаешься?

Тон Луизы слегка меняется, точно она на что-то намекает:

— Да все то же. Здесь у меня Тина, Микела, Энрико. Мы были на ужине у Киты...

Разговор становится все напряженнее.

Гuido: Ах вот как... у Киты... А теперь ты что делаешь? Ложись спать?

Голос Луизы: Да, ложусь... Они уже уходили, когда ты позвонил. Ну, ты там развлекаешься?.. Встретил кого-нибудь?

Guido: Да тут тоска!.. Ужасно... Сама понимаешь, что здесь можно делать? Лечебный курорт...

Из-за того, что она не верит *Guido*, голос *Луизы* становится чуть ли не агрессивным:

— Да неужели ты никого не встретил из знакомых? Ты все время один?..

Guido: Почти...

Потом сразу же, словно желая подтвердить свое добронравие, а также отчасти в искреннем порыве к находящейся вдали жене, добавляет:

— Слушай, а почему бы тебе не приехать меня проведать?..

Приезжай-ка сюда... А?

Но неожиданно их разговор прерывает женский голос; вновь шутиво вмешиваясь, *Тина* спрашивает:

— Ну когда же начнутся съемки этого фильма?..

С некоторым раздражением *Guido* отвечает:

— Да почему я знаю!.. Не мешай, дай трубку *Луизе*...

Сейчас же звучит голос *Луизы*, которая продолжает с плохо скрытой тревогой прерванный разговор:

— Ах, значит, я должна приехать. Ты хочешь, чтобы я приехала?

Guido, уже немного раскаиваясь, отвечает с чрезмерной горячностью:

— Ну конечно же, конечно... Если ты хочешь... Приезжай. Если тебе это доставит удовольствие.

Их вновь перебивают — на этот раз междугородная.

Луиза: Если это доставит удовольствие... тебе...

Голос телефонистки: Вам продлить разговор?..

Guido: Нет, нет... Покойной ночи, *Луиза*... Пока... Так приезжай...

В трубке, сливаясь в общий неясный хор, звучат голоса *Луизы* и всех остальных, которые с ним прощаются.

Луиза: Когда я должна приехать? Хорошо, до свидания...

Голоса: Пока, шут гороховый... Лечись... До свидания...

Междугородная разъединяет. *Guido* какое-то мгновение стоит в задумчивости, потом вешает трубку и не спеша направляется к лестнице.

Портье: Покойной ночи, синьор.

Guido: Покойной ночи...

ГОСТИНИЦА. БОЛЬШОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОТДЕЛА. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Guido, прежде чем пойти к себе в номер, заглядывает в большую комнату, где разместились производственный отдел его съемочной группы.

На стенах — бесчисленные фотографии актеров и актрис,

140 различных местностей, большие черные доски; длинный, еще девственно чистый календарный план съемок.

На полках — макеты строений и декораций, а кроме того, самые разнообразные предметы, папки, копии сценария, какие-то костюмы, рулоны эскизов и так далее.

За столиком в углу в полном одиночестве с серьезным и сосредоточенным видом работает кассир, сидя под единственной зажженной в огромной комнате лампочкой.

Он дружески кивает Гуидо и продолжает свою работу.

Гуидо некоторое время бродит среди макетов, столов, папок, довольно долго рассматривает фотографии на стенах, потом, молча кивнув кассиру, уходит.

ГОСТИНИЦА. СПАЛЬНЯ ГУИДО. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Гуидо открывает дверь и входит. Вокруг него неожиданно воцаряется глубокая нереальная тишина. Темноволосая девушка, которая уже несколько раз являлась ему раньше, стелет его постель. Она одета как горничная; девушка оборачивается и выжидательно улыбается.

Гуидо несколько секунд, не говоря ни слова, пристально глядит на нее, в свою очередь улыбаясь; потом с некоторым усилием, словно боясь, чтобы девушка снова не исчезла, спрашивает почти беззвучным шепотом:

— Как зовут тебя?

Клаудия: Клаудия...

Гуидо осторожно подходит к девушке и берет ее за руку. Она не отнимает руки и продолжает улыбаться, но теперь заметно, что она слегка взволнована. Гуидо повторяет:

— Клаудия...

Наплыв

Гуидо и Клаудия лежат рядом в постели.

В продолжающей окружать их нереальной тишине голоса обоих звучат как-то странно, словно доносясь издалека.

Клаудия: Хочешь, я останусь здесь, а ты время от времени будешь тайком ко мне приходить? Мне все равно. Хочешь, приезжай опять в будущем году, и мы будем видеться. Я буду тебя ждать. А если хочешь, то никогда меня больше не увидишь. Это тоже возможно, если так пожелаешь... Хочешь, я с тобой уеду отсюда? Главное, не стать в тягость, не надоесть тебе...

Гуидо: Ты уехала бы со мной?

Клаудия: Если хочешь, то хоть сегодня. Мне даже не нужно заходить домой...

Гуидо: Уехать и начать все заново... И это тебя не пугает? Знаешь, ведь я не смогу на тебе жениться. Представляешь, что у нас с тобой будет за жизнь?..

Клаудия: Жить в разлуке было бы еще хуже...

Guido: Посмотри-ка хорошенько мне в лицо. Я выражу одним словом, кто я такой: я трус...

Клаудия: Я тебе не верю. Да если и вправду было бы так...

Клаудия яростно, страстно целует Guido, он с таким же порывом отвечает на ее поцелуй.

Наплыв

НОМЕР КАРЛЫ В ГОСТИНИЦЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Комната погружена в глубокий полумрак. Дневной свет чуть проникает лишь сквозь закрытые жалюзи. Guido сидит подле постели, в которой лежит Карла—она тяжело дышит во сне, полунагая, вся в поту. Некоторое время спустя Карла вдруг резко открывает глаза и пристально глядит на Guido. В полутьме кажется, что ее маленькие, неподвижно устремленные на него глаза загадочно сверкают. Guido смотрит на нее молча и слегка растерянно, потом, пытаясь скрыть свою тревогу, вполголоса спрашивает:

— У тебя раньше уже бывала такая высокая температура?

Карла несколько раз проводит рукой по покрытому потом лбу. Отвечает слегка изменившимся голосом:

— Сразу же поднимается. По каждому пустяку сразу подпрыгивает до тридцати девяти, сорока. Потом падает. Муж это знает, он уже ко мне привык и совсем не пугается...

Она, белея в полумраке, приподнимается на локте, тяжело дыша, как сильный зверь:

— Мне жарко, ужасная жажда...

Guido протягивает ей стоящий на тумбочке стакан воды, и Карла осушает его одним глотком. Он продолжает неотрывно смотреть на нее, словно видит в первый раз, со смешанным чувством растерянности и отстраненности.

Попив, Карла озирается кругом и говорит с легкой улыбкой, но чуть изменившись в лице:

— Представляешь себе, я не помню, день сейчас или ночь. Guido не может скрыть удивления и тревоги.

Guido: Как так?.. Сейчас четыре часа. Конечно, дня. Ты проспала не больше десяти минут... Сейчас послушаем, что скажет доктор, а потом, я думаю, надо бы телеграфировать твоему мужу. Конечно, с тобой ничего особенного, но все же мы не можем брать на себя ответственность и не сообщить ему...

Карла прикладывает ладонь ко лбу, потом берет руку Guido и подносит ее сначала к своему лбу, потом к груди.

Карла: Чувствуешь, как я горю... Как я горю! Температура, знаешь, ползет вверх. Наверно, у меня уже сорок.

Она вновь откидывается на подушку и шутливым тоном говорит:

— Подумай только, а вдруг я умру!..

Guido: Я совершенно уверен, что у тебя ничего серьезного... Дело не в том... Если бы я мог все время здесь находиться, то

142 все было бы в порядке, но я, как ты знаешь, не могу... Но как я оставлю тебя тут совершенно одну... И какого черта тебе взбрело в голову тоже накачаться этой водой! Тебе же это не нужно, да и вода вовсе не всем полезна...

Карла: Почему я знала!.. Неужели из-за глотка воды... Ее же тут все пьют...

Она гладит Гуидо ласково, почти по-матерински:

— Да, дорогой, наверно, лучше послать ему телеграмму... Так тебе будет спокойнее. Ты так перепугался! Ты ведь всегда боишься ответственности... Какой ты прохладный... Дай мне кусочек льда...

Гуидо, на мгновение застыв, смотрит на нее, пораженный ее тоном и словами, неожиданно и, возможно, бессознательно столь верными; потом подает ей чашку с кубиками льда.

Карла берет один кубик, проводит им по лицу, потом сосет его.

Карла: Хочешь тоже, дорогой? Это так приятно...

Гуидо украдкой смотрит на часы и шутливо говорит:

— Ты тут собралась умирать, а пора бы подумать и об обеде!..

Карла, продолжая сосать лед, смеется, потом произносит спокойным тоном, хотя по-прежнему несколько возбуждена:

— Вот уже два года, как я написала завещание. Знаешь, я серьезно говорю... Ведь от того, что напишешь завещание, раньше не умрешь... Поскольку у меня также есть брат и сестра, я хочу, чтобы, если я умру, квартира осталась мужу. Квартира принадлежит мне. Я хочу, чтобы жил в ней он, не то куда он, бедняга, денется?.. Даже если он, когда я умру, женится на другой, ведь верно я говорю?..

Она откидывает простыню и тяжело поворачивается на другой бок, полубнаженная, ослепительно белокожая. И все более возбужденно, в жару продолжает:

— Мне жарко даже от простыни... Еще в детстве у меня вдруг поднималась температура... Сильный жар, бред... В общем, я начинала бредить, нести всякую чепуху... А как я стеснялась врача! И по улице я ходила вся сжавшись, стеснялась мужчин... Мне казалось, что у меня слишком большая грудь, я голая становилась перед зеркалом, маминым трельяжем, и рассматривала себя... В тринадцать лет я уже совсем сформировалась, была почти такая же, как сейчас, и такого же роста...

Неожиданно резко останавливается и умолкает, закрыв глаза и вновь впадая в сон, на этот раз, кажется, глубокий. Гуидо в замешательстве и раздражении снова глядит на часы, не зная, что ему делать, явно желая уйти. Но вдруг слышит слабый стон Карлы; подойдя к постели, он наклоняется и тихо зовет:

— Карла...

Он видит, что Карла, лежа с закрытыми глазами, плачет. Охваченный нежностью, растерянный, Гуидо ласково спрашивает:

— Что с тобой?.. В чем дело?..

Не открывая глаз, Карла отвечает тоном хнычущей девочки:

— Я не хочу, чтобы все так быстро кончилось... Если мы пошлем мужу телеграмму, он приедет за мной и заберет отсюда. А я привезла все свои хорошенькие платица...

Гуидо улыбается—она его растрогала и насмешила. Он тихонько гладит ее по голове, но Карла уже вновь внезапно уснула, на этот раз действительно глубоким сном. Гуидо, осторожно, стараясь не шуметь, садится неподалеку от нее и слушает ее тяжелое дыхание; но постепенно это большое, мягкое, беззащитное женское тело, почти нагое, белеющее в полумраке, начинает волновать его, приковывая к себе его глаза и мысли.

ДВОР КОЛЛЕДЖА. НАТУРА. ДЕНЬ

Большая перемена на унылом дворе колледжа. На клочке пыльной земли, отгороженном от улицы металлической сеткой, бегают десятка четыре мальчишек в одинаковой форме; одни прыгают, толкают друг дружку, другие толпятся перед мрачным фасадом колледжа. Во дворе стоит дикий гвалт. Большинство ребят гоняют мяч; кто-то качается на старых скрипучих качелях, некоторые со скучающим видом сбились в кучку вокруг надзирающего за ними «префекта»—длинноволосого, неопрятного, голодного вида юнца. Со стороны улицы на сетке повисли несколько уличных мальчишек: не имея возможности участвовать в игре, они осыпают бранью или подбадривают школьников.

Мальчик в форме колледжа—в нем Гуидо, очевидно, узнает по всем приметам себя в детстве—прислушивается к фразам, которыми обмениваются некоторые его товарищи постарше с двумя-тремя мальчишками такого же возраста по ту сторону решетки. На лице его выражение возбуждения и болезненного интереса, словно мальчик, еще не поняв толком, о чем именно они говорят, уже угадал, что тема их разговора греховна, и она его непреодолимо притягивает.

Он стоит в нескольких шагах от остальных, потом потихоньку к ним подходит.

Мальчишки: Надо заплатить шесть... Шесть с каждого.—А ты ее уже видел?—Много раз!—Ну и как?—У меня только четыре.—Если продашь три пуговицы, тебе дадут за них шесть сольди.

Гуидо смотрит на позолоченные пуговицы на своем мундирчике, инстинктивно оглядывается, словно боясь, что увидит надзиратель, и подходит еще ближе.

Мальчишки: А почему у нее такое имя—Сарагина?—Я знаю, где ее найти.—Нужно только иметь деньги, а без денег—ничего.—А можно подойти близко?

144 ТРОПИНКА И ПЛЯЖ. НАТУРА. ДЕНЬ

Шесть-семь мальчиков, некоторые в форме колледжа, бегут, толкая друг друга, по тропинке, ведущей к пляжу.

Гуидо — самый последний, он то и дело оглядывается, словно охватившее его возбуждение не может побороть страха. Он останавливается, некоторое время стоит в нерешительности, не зная, бежать с остальными или вернуться в колледж.

Ребята бегут дальше, не обращая на него внимания. Наконец Гуидо, словно целиком отдавшись во власть запретного желанья, пускается во всю прыть, догоняет и перегоняет других, вырывается вперед.

Уличные мальчишки, которым дорога уже знакома, ведут за собой остальных. Слышатся их голоса, уже сливающиеся с шумом прибоя, они кричат:

— Сюда! — Это вон там! — Там, немного дальше!

В глубине пляжа уединенно высится старый бетонный дот — бессмысленная руина, превратившаяся в какую-то берлогу.

Подле входа в это жалкое логово, из грубо сложенного каменного очага в небо вздымается столб густого и, несомненно, вонючего дыма; на огне пылающего в очаге хвороста греется черный закопченный котелок.

Мальчики остановились неподалеку и жмутся друг к другу в невольном страхе.

Они возбуждены и вместе с тем растерянны и испуганны. Они стоят в почтительном отдалении от маленького дота, кто-то из них начинает звать:

— Сарагина?! Сарагина!..

Так как никто не выходит и не отвечает, двое или трое хотят подойти поближе, но другие их удерживают:

— Она злая!.. Дерется!.. Подожди, может, ее нет... — Нет, она дома, разве не видишь огонь?

И вновь принимаются звать, с большой опаской подходя все ближе:

— Сарагина!.. Сарагина!.. У нас есть деньги, Сарагина!

На пороге логова появляется массивная, величественная, вместе с тем комичная в своих лохмотьях фигура; это женщина лет сорока, одетая как нищенка, растрепанная; она напоминает большого, мощного зверя, ее пышные и еще не совсем увядшие формы хранят следы былой красоты. Вид у нее угрожающий, агрессивный, грубый.

Привыкшая к жестоким насмешкам, она выливает на мальчиков поток брани:

— Пошли вон!.. Убирайтесь отсюда, ублюдки!.. Сукины дети!.. Бандиты!.. Убирайтесь!..

Группка немножко подается назад, но те, кто посмелее, вновь кричат:

— У нас есть деньги!.. Вот смотри, Сарагина!.. Мы принесли деньги!..

Один из мальчиков машет рукой, издали показывая пригоршню монеток.

Женщина прищуривается и глядит на них, что-то про себя бормочет, потом кричит еще более агрессивно:

— Давай сюда!

Ребята подталкивают вперед мальчика с деньгами в руке, но тот отступает назад. Ни у кого не хватает смелости выйти вперед.

Мальчишки: Иди ты!..—Нет, давай ты...—Брось их ей.—Швырни.—Нет!.. Они потеряются в песке!..

Ученики от нетерпения будто на иголках, один из них не выдерживает:

— Давайте скорее!..

Наконец один из мальчиков с деньгами в руке делает несколько шагов в направлении к доту и громко говорит:

— Нас восемь человек. По шести сольди с носа...

И кладет деньги на камень неподалеку от женщины, не рискуя подойти к ней ближе, и сразу же бросается назад. Другие поодиночке осторожно подходят к нему—притихшие, но по-прежнему возбужденные.

Женщина берет монеты, медленно их пересчитывает, поднимает глаза на озорников, считает их по головам и продолжает пересчитывать деньги.

Взгляды мальчиков неотрывно устремлены на нее—взгляды зачарованные, взволнованные, полные нетерпеливого ожидания. Один кричит чуть осевшим голосом:

— Ну давай, Сарагина!

Сарагина опускает мелочь в карман, потом оглядывается вокруг, чтобы удостовериться, что нет никого постороннего. Воцарилась напряженная, нарушаемая лишь шумом волн тишина, словно перед началом какого-то таинственного ритуального представления. Не спеша, с торжественным спокойствием во всем своем животном чувственном, чудовищно огромном теле женщина поворачивается спиной к мальчикам и поднимает до пояса юбку.

Ребята смотрят как зачарованные, взволнованные и смущенные. Лицо Гуидо выражает глубокое изумление и одновременно целую гамму каких-то смутных ужасных чувств.

Затем так же медленно женщина поворачивается на каблуках лицом к ребятам и вновь задирает до пояса юбку, которую до того опустила.

До женщины долетает и с головы до ног ее окутывает черный дым очага; все это напоминает сказочное видение.

Но внезапно один из мальчиков подает сигнал тревоги, и ряды, дрогнув, обращаются в беспорядочное бегство.

Голос: Надзиратель!

Здесь, очевидно, воспоминания Гуидо становятся отрывочными; сохранилось лишь то, что глубже всего запечатлелось у него в памяти:

146. ...Священник средних лет, худой и костистый, тащит маленького Гуидо по тропинке, чуть ли не приподняв его за ухо. Мальчишка, растерянный, весь в поту и слезах, корчится от боли и вырывается, но священник неумолимо тащит его дальше... Как тот, так и другой с гневом и возмущением выкрикивают какие-то отрывочные фразы — угрожающим тоном священник, жалобно и визжа от боли мальчик, — но слов не разобрать...

КЛАДОВАЯ В КОЛЛЕДЖЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

В полумраке кладовой, полной лопат, метел, тюков соломы, ломаной мебели, Гуидо стоит на коленях на полу, усыпанном зернами кукурузы.

Из-за двери, сквозь стены доносится шум повседневной жизни колледжа: шаги, гул детских голосов, трель колокольчика...

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА КОЛЛЕДЖА. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Дверь открывается, и «префект» вталкивает Гуидо в большой кабинет директора.

Директор сидит за своим письменным столом, но первое, что видит Гуидо и что сильнее всего на него действует, — это присутствие здесь высокой, хорошо одетой дамы, которая сидела у стола директора, а сейчас, при виде Гуидо, встает со стула. Это его мать.

На ее лице выражение негодования и огорчения.

Гуидо, сделав несколько шагов, неподвижно застывает, уставившись на мать. «Префект» подталкивает его вперед, мать тоже делает несколько шагов по направлению к мальчику. Гуидо продолжает неотрывно смотреть на нее со страхом пополам со стыдом. Наверно, в действительности и мать, и директор что-то ему говорили, но слова стерлись в памяти Гуидо. Он запомнил только выражение лица матери, свой собственный стыд и ужас и две оплеухи, которые ему отвесила мать...

ЦЕРКОВЬ КОЛЛЕДЖА. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

В полумраке и тишине церкви Гуидо стоит на коленях на деревянной скамеечке в ожидании своей очереди исповедоваться.

На других скамеечках, каждый в отдалении от своих товарищей, стоят на коленях его сообщники. Гуидо уже позабыл их лица.

Он помнит лишь безмолвие, сумрак, дрожащий свет перед алтарем и смутный шепот, доносящийся из исповедальни. Позади ребят стоит, тоже коленопреклоненный, надзирающий за ними священник. Мальчик, который исповедовался, выходит, теперь очередь Гуидо. Он поднимается с колен; видно, что он здорово боится и волнуется из-за того, что ему придется рассказывать.

Какое-то мгновение он медлит, прежде чем войти в исповедальную кабину и преклонить колени.

Ему хорошо запомнились скрипучая деревянная ставенка, скрывающая его лицо от остальных находящихся в церкви; решетка исповедальной кабины, из-за которой доносится голос невидимого священника, негромко обращающего свои вопросы к мальчику, стоящему на коленях по другую сторону кабины; ожидание своей очереди... И вот деревянная шторка за решеткой откидывается изнутри, сквозь крестообразные отверстия решетки вырывается теплое дыхание исповедника, и тихий голос спрашивает:

— И как давно?..

И после долгой паузы вновь звучит голос исповедника:

— Разве ты не знаешь, что Сарагина — дьявол?

Церковь уже ярко освещена, играет орган, и священник в алтаре служит мессу.

Скамьи заполнены коленопреклоненными учениками.

Гуидо очень сосредоточен, он захвачен происходящим. Это час причастия.

Мальчики на скамьях приходят в движение и, громко топая, гуськом направляются к балюстраде алтаря, молитвенно сложив руки.

Гуидо опускается на колени на холодный мрамор ступеней, он еле достает подбородком до верха балюстрады.

Взглядом он следит за священником, который, причащая его товарищей, приближается к нему, бормоча перед каждым мальчиком слова молитвы. Вот и его черед. Священник уже перед ним. Служка подносит к лицу Гуидо позолоченное блюдо.

Гуидо как зачарованный глядит на священника и чашу с причастием.

РЕСТОРАН В ГОСТИНИЦЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

В просторном зале гостиничного ресторана за одним из столиков сидит кардинал со своим молоденьким секретарем. Сидящий в отдалении за другим столиком Гуидо смотрит на него словно завороженный. Но его раздражает соседство Карини, который завтракает подчеркнуто не спеша, точно священнодействию, — хрустит гренками, подносит ко рту чашку, отпивает маленькими глоточками чай.

Это время первого завтрака, и большой зал еще полупуст.

Кардинал ест молча, сосредоточенно, медленно; вид у него таинственный, он словно изолирован от окружающего невидимым стеклянным колпаком.

Наплыв

ЛУЖАЙКА ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НАТУРА. ДЕНЬ

Кардинал сидит на самом солнцепеке за маленьким столиком. На груди у него сверкает золотой крест, на голове красная скуфейка. Он собирается что-то писать.

К нему медленно приближаются двое детей, словно зачарованные видом этого волшебного рождественского ангела, которого, однако, они немножко боятся: а вдруг он вскочит или сделает какое-нибудь резкое движение?..

Слегка приоткрыв глаза и увидев рядом с собой объятых любопытством и страхом детей, кардинал улыбается—чуть через силу, но искренне и просто. Он слегка манит их длинной и тонкой, очень белой рукой со сверкающим перстнем.

Осмелев, дети подходят и опираются о подлокотники кресла, о колени кардинала; один из них, как это неминуемо должно было случиться, трогает пальчиком большой нагрудный крест и начинает им играть.

Улыбаясь с довольным видом, кардинал позволяет детям подобную фамильярность.

Подходят и другие дети—эти одеты ковбоями—и становятся в кружок вокруг кардинала, некоторые садятся на траву.

Самый маленький из них карабкается на спину кардиналу, не проявляя ни малейшего смущения и ни тени уважения к нему. Другой продолжает, не таясь, играть со свисающим на шнурке нагрудным крестом.

Полулежа в шезлонге—своем обычном убежище, на солнце, в закрывающих глаза неизменных черных очках и с восковыми пробками в ушах, Гуидо наблюдает за этой сценой. На коленях у него еще не раскрытая толстая книга.

Потом Гуидо снимает черные очки и машинальным движением протирает их специальной салфеткой, продолжая смотреть в сторону кардинала.

Видя вблизи его сузившиеся глаза, мы замечаем неотрывную, даже безжалостную пристальность его взгляда, словно он пытается расшифровать, разгадать, чтобы затем цинично использовать, этот фантастический персонаж, который он носит в сердце с далекой юности.

ПЕЩЕРЫ С ТЕРМАЛЬНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Мужчины и женщины всех возрастов спускаются внутрь огромных пещер с термальными источниками и, приняв сеанс лечения, выходят. Пещеры, сплошь в сталактитах—и коротких, и очень длинных,—словно из сказки; искусственное освещение придает им еще более нереальный вид.

Разное специальное оборудование—кабины, вспыхивающие со звонком световые табло, лесенки, перила, ограждения, стулья—попадает по пути все реже и почти полностью исчезает по мере того, как глубже спускаешься вниз и погружаешься во все более горячую, влажную, насыщенную парами атмосферу.

Банщики и медицинские сестры направляют пациентов в разные стороны, выдавая каждому белую махровую простыню; в них не отличить мужчину от женщины, все становятся похожи

на тени чистилища, неприкаянно слоняющиеся в клубах теплого пара.

Гуидо, как и все остальные, завернутый в белую простыню, спускается в самую глубину пещеры; воздух становится все горячей, красноватый сумрак сгущается; следом за Гуидо идут также закутанные в белое фигуры, некоторые обгоняют его, другие движутся навстречу, тотчас исчезая в сыром лабиринте, уходящем в глубь горы.

Почти неожиданно перед Гуидо открывается огромная пещера — узкий подземный коридор здесь словно обрывается. Возможно, площадь и высота не столь велики, как кажется, но наполняющие пещеру густые клубы пара скрывают ее истинные размеры, и пещера производит грандиозное и таинственное впечатление.

Гуидо кажется, что он остался здесь в полном одиночестве, так как тех, кто спускался вместе с ним, поглотил густой туман, но потом, осторожно сделав несколько шагов вперед и оглядевшись, он различает вокруг множество завернутых в белые махровые простыни безмолвных фигур, сидящих вдоль стен пещеры.

Медленно, нерешительно Гуидо ищет свободное место и находит его в глубине пещеры, где парящихся поменьше. Он садится, как и остальные, и вновь пытается разглядеть лица соседей. Неподалеку от себя он видит закутанного в простыню и, как всегда, безмолвного, ушедшего в себя кардинала.

УЛИЦА КУРОРТНОГО ГОРОДКА. НАТУРА. ДЕНЬ

Гуидо, за рулем своей машины, медленно едет по главной улице курортного городка в час предвечерней прогулки. Он ведет машину рассеянно, без определенной цели, но вдруг неожиданно тормозит, подъезжает к тротуару и останавливается.

Его удивленный взгляд пристально устремлен на женщину, не спеша, в одиночестве идущую по панели в том же направлении, в котором ехал он. Это Луиза. Гуидо, неподвижно застыв, за ней наблюдает; Луиза ничего не замечает и продолжает свой путь. Она уходит все дальше, ее то и дело заслоняют от взгляда Гуидо прохожие. Очевидно, она прогуливается, чтобы убить время, и ее одиночество на этой оживленной улице и в данных обстоятельствах выглядит особенно патетически.

Гуидо следит за ней взглядом, так, словно видит ее впервые, словно она — не знакомая ему женщина: и в самом деле, она в этот момент так от него далека, настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что кажется, ничто не связывает ее с человеком, который незаметно глядит на нее.

Когда она уже вот-вот должна скрыться в толпе, Гуидо включает мотор и медленно-медленно едет вдоль тротуара, следуя за женой.

Он видит, как она останавливается перед витриной, наклонившись, внимательно рассматривает выставленные ткани, достает из сумочки очки, надевает их, вновь принимается изучать ткани

150 и цены. Но все это она делает невнимательно, без настоящего интереса и цели, видимо думая о чем-то другом. Гуидо вновь останавливает машину — в нескольких шагах позади Луизы.

Когда она, сняв очки, отрывается от витрины, он хочет ее окликнуть, но удерживается, даже опять включает зажигание и трогает с места машину, словно хочет незаметно уехать.

Но в эту минуту Луиза сходит с тротуара, чтобы перейти на другую сторону; Гуидо немедленно тормозит, а женщина отступает на шаг назад, потом неуверенно, после некоторого колебания, пересекает улицу. Она видела автомобиль, но не только его не узнает, но ей даже не приходит в голову, что это может быть машина мужа.

Гуидо в полной растерянности; он видит, как женщина проходит перед самым бампером его машины, и даже затаил дыхание. Он чувствует, что Луиза, ощутив его пристальный взгляд, вот-вот обернется и узнает его.

И действительно так оно и происходит.

Луиза уже миновала машину и направляется к противоположному тротуару, когда вдруг резко оборачивается и узнает Гуидо.

Какое-то мгновение оба молча смотрят друг на друга — Луиза изумленно, Гуидо так, словно его застали на месте преступления.

Потом они улыбаются друг другу, Луиза возвращается и идет к машине. Гуидо распахивает дверцу, и Луиза садится рядом с ним.

Гуидо: Когда ты приехала?

Луиза: В пять. Мы сразу поехали в гостиницу, но тебя не было. Как себя чувствуешь?.. Здравствуй...

Гуидо тянется к ней и целует в щеку.

Гуидо: Хорошо. А ты? Здравствуй, дорогая. Кто с тобой приехал?

Луиза: Со мной приехали Микела с Энрико и Тина. И еще Росселла. Они пошли искать комнаты. Это не такое легкое дело... Может, ты кого-нибудь знаешь...

Гуидо утвердительно кивает, включает зажигание, и машина трогается.

Наплыв

ЗАЛ МЕСТНОГО КИНОТЕАТРА. ВЕЧЕР

На экране в темном кинозале демонстрируется материал некоторых кинопроб, одно изображение сменяет другое. Огромная растрепанная женщина зверского вида движется с комичной величественной медлительностью; за ней на экране сразу же появляется еще одна, на нее похожая, которая почти в точности повторяет движения первой.

Рассеявшись по залу, в маленьких деревянных креслах сидят:

...во втором или третьем ряду Гуидо с продюсером инженером Паче и директором фильма Бруно;

...позади них Луиза, а рядом с ней — молодая женщина, вся какая-то немного деревянная, с резко очерченным странным лицом, которая молча курит с чуть напряженным и отрешенным видом; это Росселла. Рядом с Росселлой — белокожая и светловолосая девушка, спокойная, с неторопливыми движениями. Это Микела — сестра Луизы;

...за ними, в следующем ряду, одиноко сидит элегантно одетый молодой человек с серьезным выражением лица, похожий на свежеепеченного врача или адвоката, который, то и дело отрываясь от экрана, бросает взгляды на Луизу, словно боится потерять ее из поля зрения. Его зовут Энрико. Потом еще пожилая дама, маленькая, прихрамывающая, уродливая, густо накрашенная, одетая с эксцентрической элегантностью, которая разговаривает агрессивным тоном, голос у нее низкий, глухой, в высшей степени неприятный; с нею кавалер, очевидно ее старый любовник, лысый человек, скромный и незаметный, несмотря на дорогой, английского покроя костюм; он чувствует себя здесь не на месте и не говорит ни слова. Это Тина и Д'Андреа.

Карини сидит в одиночестве с самого края в одном из первых рядов, другие работники съемочной группы расположились там и сям, кое-кто смотрит отснятые пробы стоя, другие сидят кто боком, чуть ли не опираясь подбородком на высоко поднятые колени, кто положив ноги на спинки кресел впереди себя.

Гуидо молча уставился на экран, нервы у него напряжены до предела. Его еще больше нервируют вопросительные и подозрительные взгляды, которые на него непрерывно бросает инженер Паче, и безмолвное присутствие сидящей позади Луизы. Когда на экране появляется огромная женщина, похожая на самку пещерного человека, из глубины зала доносится бас Тины:

— Почему бы тебе не пригласить на пробу и меня!.. Если уж тебе нравятся такие чудовища...

Гуидо не отвечает. Продюсер поворачивается к нему и, всеми силами пытаясь выразить свое одобрение, вполголоса говорит:

— Изумительная... Где вам удалось ее найти? Потрясающая!..

Гуидо вместо ответа слегка кивает. Между тем на экране появляется красивая, изящно одетая молодая женщина с пышными формами.

Все тот же грубый голос Тины комментирует:

— Неплоха... Кто это такая?!

Не оборачиваясь, но с нескрываемым удовлетворением Паче отвечает:

— Это любовница...

Потом, вновь обращаясь к Гуидо, в свою очередь комментирует:

— Это просто находка... Прелестна...

Гуидо не отвечает; под предлогом попросить сигарету, но в действительности чтобы бросить на нее испытующий взгляд, он оборачивается к Луизе и говорит:

— Дай, пожалуйста, сигарету...

Луиза молча протягивает ему сигарету, и на мгновение их взгляды встречаются в темноте. На экране появляется другая кандидатка на эту же роль; на сей раз какое-то ее неловкое движение вызывает в зале подавленный смех и комментарии вполголоса. Паче жестом выражает Гуидо свое несогласие, ожидая от него подтверждения, но так и не получает ответа.

На экране теперь мы видим женщину с очень резкими чертами лица, на котором застыло выражение горечи и печали, вид у нее строгий, как у судьи. Сестра Луизы Микела наклоняется вперед и спрашивает вполголоса:

— А это кто?

Вся напряженная, как струна, тоном горькой шутки Луиза отвечает тоже негромко, но очень отчетливо, так, что все слышат:

— Наверное, жена... Кто же еще это может быть...

Росселла в темноте глядит на нее, потом на Гуидо, застывшего в молчании. Исполненный рвения и воодушевления, ничего не понимая, Паче подтверждает:

— Да, да... Это жена... Вы знаете, удивительно точный образ... Я бы не сомневался... Ну прямо Савонарола...

Поворачивается к Бруно и спрашивает:

— Как ее зовут?

Бруно: Она англичанка... Если не ошибаюсь... Фэй.

Из глубины зала кто-то из ассистентов небрежно бросает:

— Фэй Лоуренс...

Чтобы разрядить обстановку, Росселла, ни на кого не глядя, спрашивает:

— Она актриса?

Из глубины зала отвечает глухой голос Тины:

— Какая там актриса!.. Я ее никогда не видела...

Луиза, вся напрягшись, молча следит за мимикой того, другого лица на экране.

Потом в зале вновь вспыхивает свет. Некоторое время все присутствующие молчат, потом те, кто сидели в последних рядах, встают и медленно проходят вперед, почти окружая Гуидо, который остался сидеть и не произносит ни слова. Паче напряженно смотрит на него. Наконец, поскольку Гуидо продолжает молчать и не высказывает своего мнения, Паче решается высказаться сам:

— По-моему, первая годится... Также и третья... Фэй великолепна!

Гуидо неопределенно кивает. Бруно, устремив на него требовательный и мрачный взгляд, спрашивает:

— Ну так, значит, остановимся на ней... Прекращаем пробы?

Гуидо негромко отвечает:

— Нет... Лучше продолжить...

Бруно вопросительно глядит на продюсера, словно спрашивая: «Что же будем делать?»

Луиза с плохо скрываемым беспокойством и подозрением спрашивает Гуидо:

— Но что это за фильм? О чем ты хочешь сказать в нем?

Guido пытается превратить все в шутку и, поднимаясь с места, отвечает:

— Почему я знаю!

Тина с мрачной иронией комментирует:

— Маэстро!.. Гений импровизации!.. А пошел ты знаешь куда, шут гороховый!..

Встает также и Паче. Он отвечает с пафосом и оптимизмом:

— Нет, нет, дело в том, что это фильм очень ответственный... Он совершенно прав... Я уверен, что он попал в самую точку... Абсолютно уверен...

Чтобы выйти из неловкого положения, Guido прерывает его и представляет Паче тех, кто обступил его:

— Моя свояченица Микела, инженер Паче. Синьора Росселла Хост. Синьора Тина Чимеи... Инженер Д'Андреа...

Мгновение колеблется, так как ему не удастся вспомнить имя и фамилию молодого человека, Луиза ему подсказывает:

— Энрико Коста.

Наплыв

ОЗЕРО И КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. НАТУРА. ДЕНЬ (ЗАКАТ)

На безлюдном и еще девственном берегу озера высится построенный для одной из сцен фильма макет огромного сооружения—платформа для запуска фантастического космического корабля. Дует сильный ветер, озеро и его пустынные берега под предзакатным, затянутым тучами небом выглядят довольно зловеще. Неподдалеку от сооружения останавливаются три-четыре машины, и из них выходят все те, кто присутствовали на просмотре отснятых проб. Занятые на строительстве декораций рабочие заканчивают работу и собираются уходить. Еще доносятся удары молотка, шум голосов. Старший мастер, лысый и невзрачный человек небольшого роста, увидев продюсера и Бруно, немедленно бросается им навстречу. Ветер доносит хриплый голос Тины, которая говорит Guido:

— Что это ты снимаешь?.. Научно-фантастический фильм?..

И поскольку Guido ей не отвечает и молча идет дальше, она обращается к безмолвному Д'Андреа:

— Фотоаппарат у тебя?.. Давай снимай.

А потом спрашивает Луизу:

— Что это задумал твой муженек?.. У него в картине будут и марсиане?..

Луиза, держась все более напряженно, отвечает:

— Нашла у кого спрашивать... Мне-то откуда знать... Я ведь всегда все узнаю последняя...

Guido оборачивается и смотрит на нее; он тоже все больше нервничает и держится все напряженнее. Обернувшись, он замечает, что Д'Андреа, подчиняясь команде Тины, поднимает висящий у него на груди фотоаппарат и готовится снимать.

Guido сразу же с нескрываемым раздражением, довольно резко говорит:

— Нет, пожалуйста, не надо... Никаких фотографий... Эй, Тина, ты опять за свое? Хочешь вывести меня из себя?..

Тина: А почему нельзя?.. Подумаешь, парочку фото для моего журнала. Ничего страшного...

Продюсер, разговаривавший со старшим мастером и Бруно, на лету поняв, в чем дело, моментально оборачивается и с угрожающим видом говорит:

— Вы что, шутите?.. Ведь это и наша рекламная находка. До двадцатого никто не должен ничего знать... Потом снимайте сколько душе угодно...

Паче доволен, его так и распирает от радостного возбуждения и энтузиазма. Он вновь обращается к старшему мастеру:

— Значит, двадцатого. Вы управитесь?.. Смотрите, чтобы к двадцатому все было готово...

Потом обращается к остальным:

— Можно подняться... Поднимайтесь, поднимайтесь...

Между тем Луиза говорит вполголоса Гуидо:

— Как ты себя ведешь!.. Что с тобой?

Гуидо все тем же тоном, даже еще чуть агрессивнее, отвечает:

— На кой черт ты ее сюда привезла!.. Зачем тебе нужно таскать за собой всю эту королевскую свиту!..

Луиза, не отвечая, проходит вперед. Идущая следом ее сестра Микела вполголоса, спокойно, подчеркнуто презрительным и враждебным тоном говорит:

— Подумать только,—и мне может попасться такой муж, как ты!..

Гуидо глядит на нее несколько ошарашенно, машинально шарит в кармане, ища сигареты, и, сделав несколько шагов, оказывается лицом к лицу с Энрико. Гуидо с любопытством глядит на него и спрашивает, хотя ясно, что это только предлог:

— У вас найдется сигарета?

Молодой человек с готовностью протягивает Гуидо пачку сигарет, но не может скрыть испытываемой им неловкости и своего к нему юношеского недоверия.

Гуидо: Благодарю вас... Вы ведь архитектор, не правда ли?

Энрико: Да... То есть в октябре буду защищать диплом...

Гуидо: Вы уже где-нибудь работаете?..

Энрико: Да... В конторе инженера Ренци... Но сейчас пришлось взять отпуск, чтобы подготовиться к экзаменам...

Гуидо: Вас интересует кино?..

Энрико: Да... Я часто хожу в кино... Но просто так, как зритель... Я не слишком-то разбираюсь...

В последней фразе явственно звучит чуть враждебная полемическая нотка. Гуидо прикуривает сигарету от протянутой ему Энрико зажигалки и, поблагодарив, отворачивается от него.

Гуидо: Спасибо...

Оказавшись перед Росселлой, спрашивает ее:

— Как зовут этого парня?.. Вечно забываю его имя...

155

Росселла: Энрико...

Guido: Ах да... Он что, влюблен в Луизу?

Росселла: Конечно. Об этом все знают... Он так молод, не умеет этого скрыть...

И со сдержанной улыбкой продолжает:

— Так что это за штука?... Можешь мне объяснить или нет?

С ней Guido чувствует себя более свободно, говорит с симпатией и непосредственностью. Улыбаясь, отвечает:

— Это не пригодится... Потому что я все равно не буду снимать эту сцену... Я ее вырежу...

Росселла ошеломленно на него смотрит и говорит скорее с огорчением, чем с упреком:

— Но ведь полетят на ветер миллионы!..

Guido пожимает плечами и удаляется. Лицо его искажает горькая гримаса.

Паче, который уже поднялся на самый верх сооружения, убежденно и увлеченно рассказывает собравшимся о фильме:

— ...Целая толпа... Остатки человечества... которые покидают Землю... с епископами, священниками, может быть, даже папой римским... Ищут спасения на другой планете, может быть, после уж не знаю чего... Например, после атомной катастрофы... Здесь, на берегу... будет массовка—тысяча с лишним статистов... Длинная, нескончаемая процессия... Когда он мне это сказал, меня мороз по коже подрал... Потрясающе... Нечто никогда не виданное... Правда, Карини?

Словно витая мыслями где-то далеко, Карини, ни на кого не глядя, уклончиво отвечает:

— Свои впечатления я уже высказал Guido... Он знает, что я об этом думаю...

Вполголоса, будто сообщая секрет, Паче, указывая на поднимающегося по лестнице Guido, продолжает:

— Он им всем покажет... Настоящий гений... Конечно, чуточку сумасшедший!.. Однако при таком ветре... выдержат ли опоры?.. На сколько метров вы их заложили?

Мастер: На три метра... Вполне достаточно...

Бруно: Это еще неизвестно... Я же тебе сказал: не меньше, чем на четыре... Если ветер усилится, все это рухнет...

Мастер: Не рухнет, не рухнет...

Бруно: Это еще неизвестно... А вдруг рухнет?..

Мастер: Не рухнет... Глубже трех метров никогда не закладывали, даже для «Бен-Гура»...

Паче встревоженно смотрит то на одного, то на другого.

Паче: Высота башни десять метров над поверхностью... Понимаешь?.. Десять метров...

Тина: А ракета?.. Где же ракета?..

Паче вновь впадает в раж и с жаром поясняет:

— Нет-нет... Ракеты тут нет... Тогда бы мы совсем разори-

156 лись... Обойдемся маленькой моделью... Ее установят там внизу, на берегу... макет на стекле... И будут снимать в перспективе... Потрясающий эффект... Полное впечатление...

Обращается к Гуидо, который, присоединяясь к остальным, поднимается на верхнюю площадку:

— В скольких метрах вы установите модель?

Гуидо, продолжая карабкаться вверх, отвечает:

— В пяти-шести...

Тем временем на верхней площадке появляются Луиза, Энрико и Микела. Гуидо вырастает позади них и оказывается рядом с Луизой. Оба чувствуют себя очень неловко.

Наконец, после напряженной паузы, Гуидо говорит:

— Укутайся получше... Не стой здесь... Чувствуешь, какой ветер?.. Не то потом опять разболеешься...

Луиза, не отвечая, плотнее запахивает пальто на груди, но остается на площадке, продолжая смотреть на озеро и пляж, над которыми далеко внизу гуляет ветер. Остальные чуть отходят в сторону; Гуидо более агрессивным тоном, не в силах скрыть свое внутреннее беспокойство, продолжает:

— Да что с тобой?.. Ты себя плохо чувствуешь?

Луиза: Я?.. Это, скорее, ты... Я приехала, потому что ты сам сказал, чтобы я приезжала... Если я тебя так раздражаю, зачем же ты велел мне приехать?..

И, не дожидаясь ответа, Луиза отходит. Гуидо оказывается рядом с Росселлой, которая смотрит на него с серьезным видом. Она негромко говорит ему:

— Луиза была в таком хорошем настроении... Радовалась, что едет... А потом, приехав сюда, уж не знаю почему... Должно быть, что-то увидела... Наверно, ты знаешь, в чем дело...

Гуидо отрицательно качает головой, но не слишком уверенно.

Гуидо: Откуда я-то могу знать!.. Она вечно такая... Словно учительница... Она тебе что-нибудь говорила? О том, что кого-то встретила?.. Кого?..

Росселла: Нет, она мне ничего не говорила...

Гуидо облокачивается на перила площадки рядом с Росселлой и с горечью пополам со страстной жадной освобождения, но в то же время чуть играя, говорит:

— Подумай, вот была бы красота... Если бы этот космический корабль был настоящий... Улететь, сразу от всего избавиться... Какое освобождение... Какое замечательное приключение...

Росселла: Ты бы умудрился везде, где бы ни очутился, испортить жизнь и себе, и другим— вот в чем все дело. Попасть в неизведанные миры есть куда лучшие средства. Почему бы тебе не попробовать?

Гуидо глядит на нее с интересом и любопытством, словно замороженный.

Гuido: Слушай, попроси-ка для меня совета у тех сил, 157
которые тобой руководят. Я серьезно говорю...

Росселла, чтобы скрыть неловкость, улыбается — сердечно, но чуть иронически.

Росселла: В этих вещах ты как ребенок... Ты просто любопытствуешь...

Гuido: Но для Луизы ты просишь...

Потом, без всякого перехода, продолжает:

— А когда она тебе рассказывает обо мне, что она говорит? Какие у нее намерения? Что она собирается делать?

Росселла: Один день говорит одно, другой день — другое. Бедняжка... Если бы она сама знала, чего хочет... Увы, ей хотелось бы только одного: чтобы ты изменился и вел себя по-другому... Сейчас трудный момент...

Гuido: Что ей от меня надо?.. Почему она не хочет принимать меня таким, каков я есть?..

Росселла: Потому что она тебя любит...

Следует пауза: Гuido глядит на нее с глубокой симпатией. И спрашивает:

— Ну а как ты? Когда выйдешь замуж?

Росселла непринужденно и бесхитростно улыбается.

Росселла: А мама?.. Куда я ее дену?..

Гuido: Но ты в кого-нибудь влюблена? В кого?

Росселла: Ни в кого...

Тон Гuido становится еще серьезнее, в его голосе звучат нотки чуть ли не тоскливого отчаяния:

— Послушай, Росселла, я говорю без всяких шуток... Почему ты не хочешь спросить у них совета для меня...

Росселла: О чем же?..

Гuido: Да об этом фильме... Должен я его ставить или нет... Про Луизу...

Росселлой овладевает глубокое замешательство, в ее взгляде появляется какое-то странное выражение, будто он устремлен куда-то далеко-далеко.

Росселла: Когда это со мной случается... Причем сама я не пытаюсь это вызвать... Меня охватывает страх... Знаешь, это очень опасно, с каждым разом я боюсь все сильнее... Год назад мне сделалось так плохо...

Она поворачивается к Гuido, который слушает ее как завороченный, глаза ее потемнели и стали словно незрячими; какое-то мгновение она пристально смотрит на него и тоном, которому старается придать естественность, произносит:

— А кроме того, зачем тебе это надо?.. Ты сам должен все решить... Это трудный момент... Это влияние твоего астрального тела, оно сейчас болеет... Ты должен решать сам...

Под ними, на песчаном берегу, многие уже вернулись и сели в машины. Почти совсем стемнело. В одной из машин кто-то, торопя их, непрерывно сигналил.

Наплыв

КОМНАТА. ПОСТЕЛЬ. ГОСТИНИЦА. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Guido и Луиза лежат рядом в постели. Они не спят, лежат с открытыми глазами. Молчание и напряженная атмосфера становятся с каждой минутой все невыносимее. Внезапно Луиза раздражается саркастическим смехом, вызывающим и горьким. Guido с не меньшей агрессивностью спрашивает:

— В чем дело?

Луиза: Ни в чем. Если бы ты только на себя посмотрел!..

И снова смеется таким же смехом. И Guido прежним тоном настойчиво спрашивает:

— Чего ты хохочешь?

Луиза: Я думаю, что никогда не смогла бы тебе изменить уже из-за одного того, что это так смешно: все время бояться попасться, прятаться, лгать. Смешно и утомительно, но, как видно, тебе это совсем не в тягость.

Guido: Да что я такое сделал? Послушай, Луиза, я хочу спать, не морочь мне голову этими разговорами...

Он поворачивается к ней спиной; Луиза отвечает:

— Ну и спи себе. Спокойной ночи.

Но Guido сразу же резко вновь поворачивается к ней и продолжает:

— Что я такое сделал? Нет, ты должна мне сказать, что я сделал...

Луиза: Ты сам прекрасно знаешь. Хотела бы я знать, неужели все мужчины такие, как ты... Я просто не могу в это поверить...

Guido: Мы же были вместе с тобой весь вечер, я ничего не сделал, ничего не сказал... Но, что бы я ни делал, что бы ни говорил, тебе вечно кажется, что я тебе изменяю.

Луиза снова смеется, еще более горько и едко.

Луиза: Если бы ты только мог сам на себя посмотреть!

КАФЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Guido с Луизой сидят за столиком переполненного кафе.

У обоих натянутое выражение лица, говорят они вполголоса, чувствуется, что через силу; напряжение все возрастает, становится невыносимым.

Маленький оркестрик играет вальс.

Guido: Ну так скажи мне раз и навсегда, что я должен делать, чтобы ты жила спокойно. Каким я должен быть, по твоему мнению. Скажи мне.

Луиза: Человеком, который понапрасну не клянется десять раз на дню, каждую минуту. Хватило бы одного этого. Ты же не способен выполнить даже это. От тебя никогда не услышишь слова правды, ни одного-единственного раза. Даже в мелочах, даже когда тебе ничего не стоило бы сказать правду. Но ты лжешь, как дышишь, никогда не знаешь, что у тебя в мыслях, что ты задумал, кто ты такой, ты врешь даже тогда, когда говоришь правду. Как можно жить с таким человеком, как ты, ведь так недолго и помешаться...

Взгляд Луизы, в котором застыли твердая решимость и отчаяние, устремлен на столик вдалеке — туда, где, как всегда с невозмутимым видом, сидит Карла. Она лишь слегка обеспокоена присутствием Луизы и тоном разговора — его нетрудно угадать и на расстоянии. Она с аппетитом невозмутимо поглощает огромную порцию мороженого, упрямо уставившись в другую сторону.

Гuido: Да я даже не знал, что она здесь. Клянусь тебе, что я увидел ее только сейчас... Здесь такое множество народу, почему бы не приехать и ей? Разве я могу ей запретить? При чем тут я?

Луиза: Нет, вы только поглядите на нее... Ты мне клялся памятью своей матери, что между вами все кончено... Нет, вы только поглядите на нее, на эту шлюху, она снова тут как тут, я ее встретила сразу же, только сошла с поезда. Так зачем же ты тогда звонил мне, чтобы я приехала? Что тебе от меня надо? Почему ты не хочешь оставить меня в покое?

Гuido: Я не знал, что она здесь. Я не знал, понимаешь? Я не буду клясться, ты ведь все равно считаешь, что мои клятвы всегда лживы, но повторяю: я не знал. Ну что плохого в том, что эта несчастная сидит вон там? Так, значит, вот из-за чего ты меня мучаешь со вчерашнего вечера?! Могла бы сразу сказать, разве не так? Чем она тебе мешает, эта несчастная?

У Луизы даже перехватывает горло от тоски и отчаяния.

Луиза: Вот именно это и сводит меня с ума. Ты говоришь так, будто говоришь правду, как честный человек, а на самом деле — нет, я прекрасно знаю, что ты лжешь, что ты нечестен. Ты — подлец, честность для тебя пустой звук, словно на свете вообще нет честных людей...

Гuido пристально смотрит на жену, настолько пристально, что перестает слышать и понимать слова, которые она произносит. Голос ее сливается с музыкой оркестрика, и музыка заглушает его. Гuido вновь бросает взгляд на Карлу, которая, глядя в другую сторону, продолжает не спеша есть свое мороженое. Потом переводит взгляд на Луизу...

И вот поведение Луизы совершенно меняется: улыбающаяся и умиротворенная, она что-то говорит ему, но Гuido не сразу схватывает, что именно. Постепенно ее слова начинают звучать отчетливее и доходят до него.

160 *Луиза:* Разве ты не видишь, что она, бедняжка, сидит одна-одинешенька? Почему ты не пригласишь ее за наш столик?

И, говоря это, Луиза машет Карле, улыбается, словно приглашая ее пересесть к ним, а Карла в свою очередь поворачивается в их сторону и, улыбаясь, смотрит на столик, за которым сидят Гуидо с женой. Так как Луиза вновь жестом приглашает ее, Карла встает, делает несколько шагов, потом возвращается назад за своим мороженым, с которым еще не покончила, и с блюдечком в руках подходит к столу Гуидо.

Луиза встает и радостно, приветливо говорит:

— Идите сюда... Присаживайтесь... Как поживаете, синьора? Вы тоже приехали полечиться?

Карла улыбается, указывая на Гуидо.

Карла: Ах нет... Я приехала потому, что здесь он... Я тут уже целую неделю... А вы как поживаете? Вы прекрасно выглядите... Вы ведь приехали вчера вечером? Ну да, мне же это сказал ваш муж... Он всегда мне так много о вас рассказывает...

Луиза: Правда, здесь очень мило?... Вам тут нравится, синьора?..

Карла: Знаете, что я вам скажу? В сущности, это не такое уж шикарное место, как... я думала. Я захватила с собой... не так уж много... Но все же кое-какие туалеты, а оказалось... что это тут ни к чему...

Луиза: Но ваш костюмчик из набивной ткани очень изящен.

Карла: Ах, не говорите!.. Я увидела что-то в таком роде в «Воге». Сколько мне пришлось побегать, пока я нашла эту материю!.. Я была просто в отчаянии... Но знаете, уж если Карла вобьет себе что-нибудь в голову...

В то время как женщины весело и оживленно болтают, словно старые подруги, Гуидо с блаженной улыбкой на устах глядит на них и слушает их разговор, все более и более отстраняясь... И вот их голоса снова сливаются с музыкой, становятся все глуше и окончательно замирают в отдалении.

ФЛАМАНДСКАЯ ФЕРМА. НАТУРА. ДЕНЬ

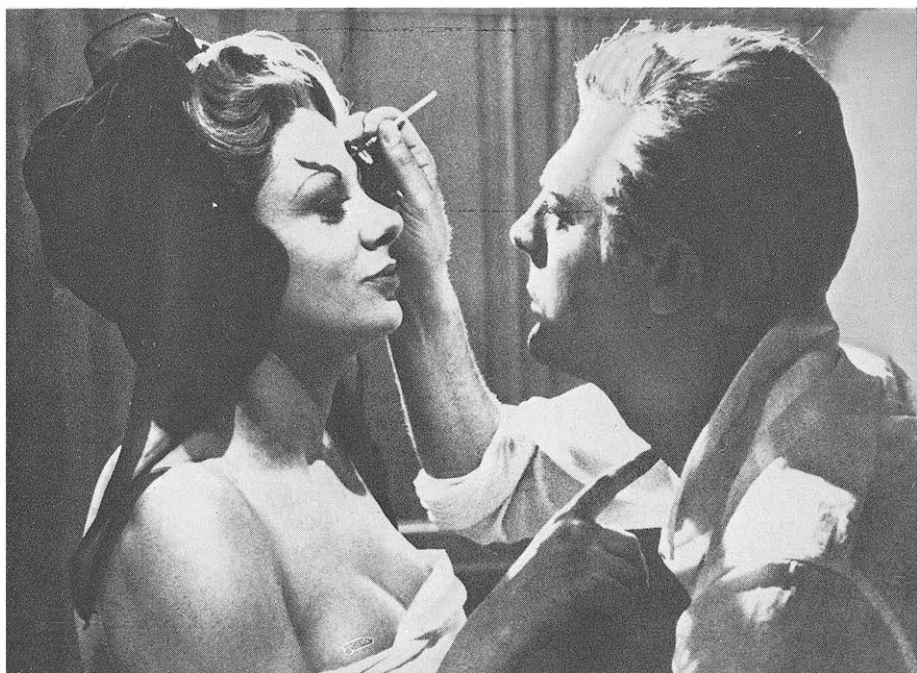
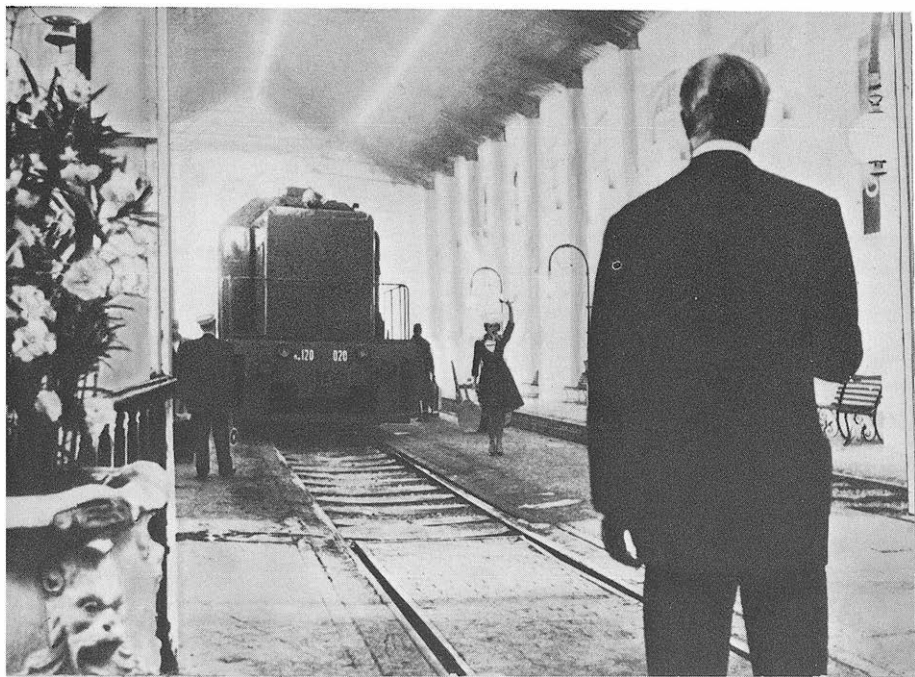
Фантазия Гуидо рисует большой крестьянский дом, вроде тех, что изображены на полотнах фламандцев. Это обширное, добротное, гостеприимно выглядящее строение с множеством труб, над которыми поднимается дым; снег, лежащий вокруг дома и покрывающий его крышу, придает этому жилищу еще более уютный и манящий вид.

Гуидо подъезжает к дому на санях, запряженных парой лошадей; на нем меховая шуба и меховая шапка, в руках длинный хлыст.

Он вылезает из саней и вынимает из них бесконечное множество больших и маленьких свертков, перевязанных разно-

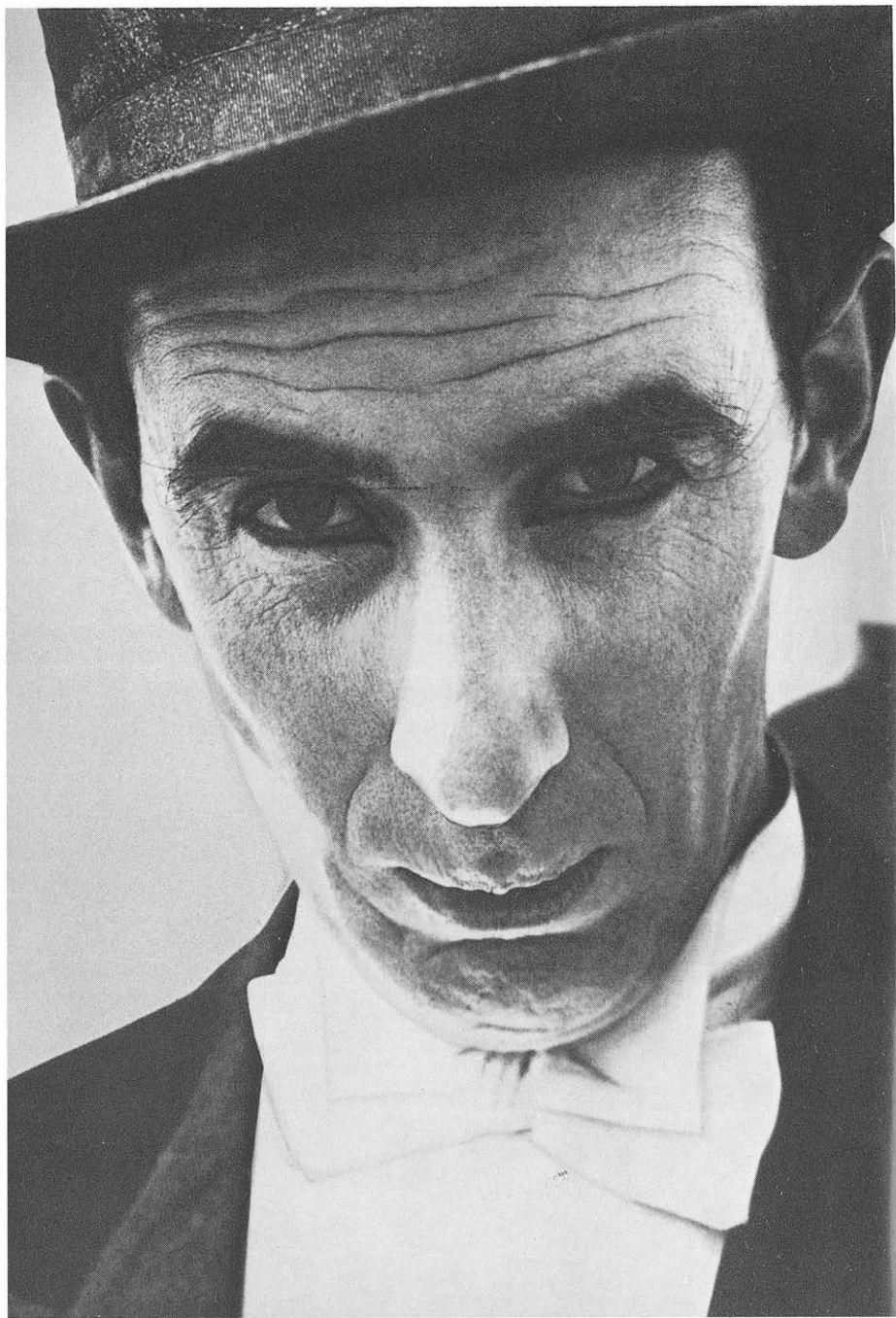

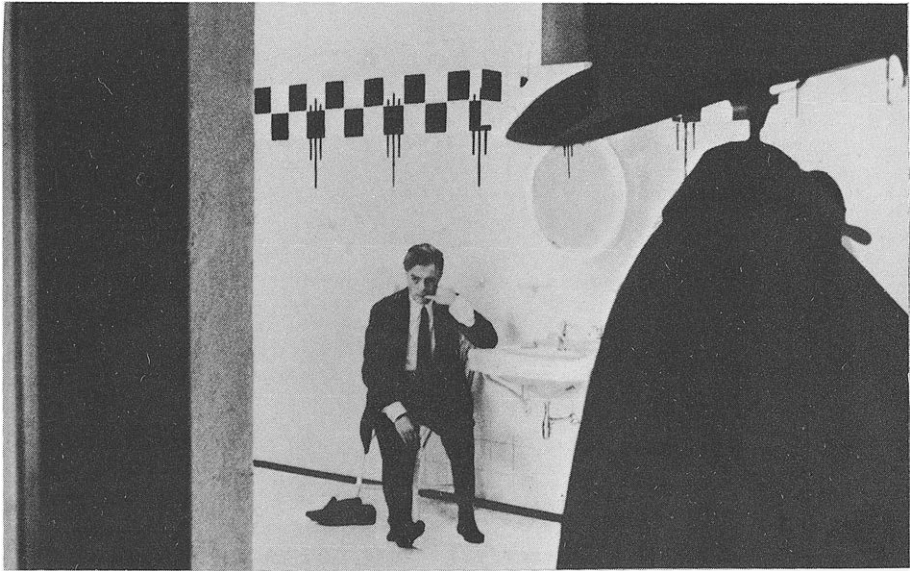

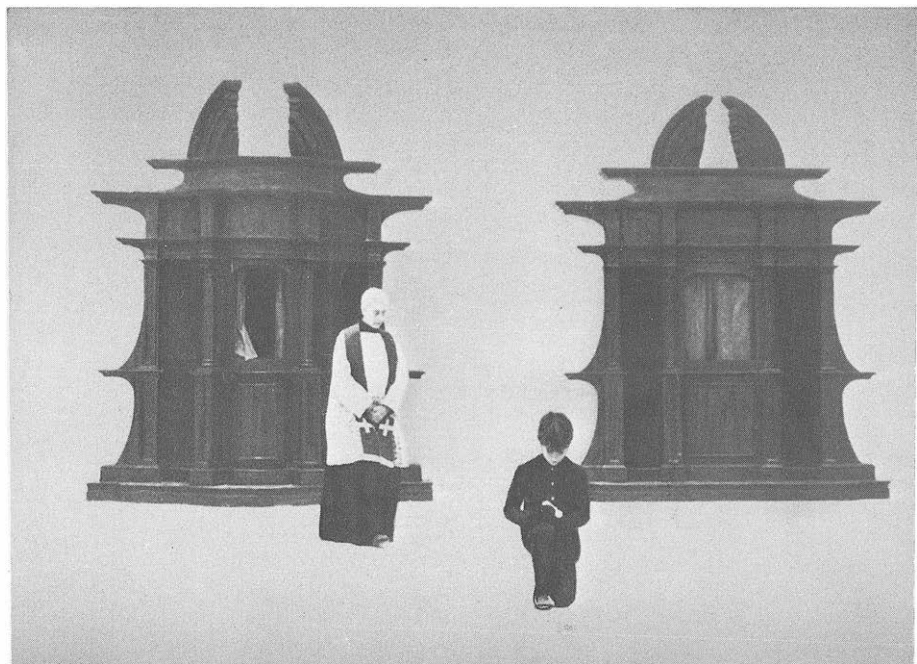
8½

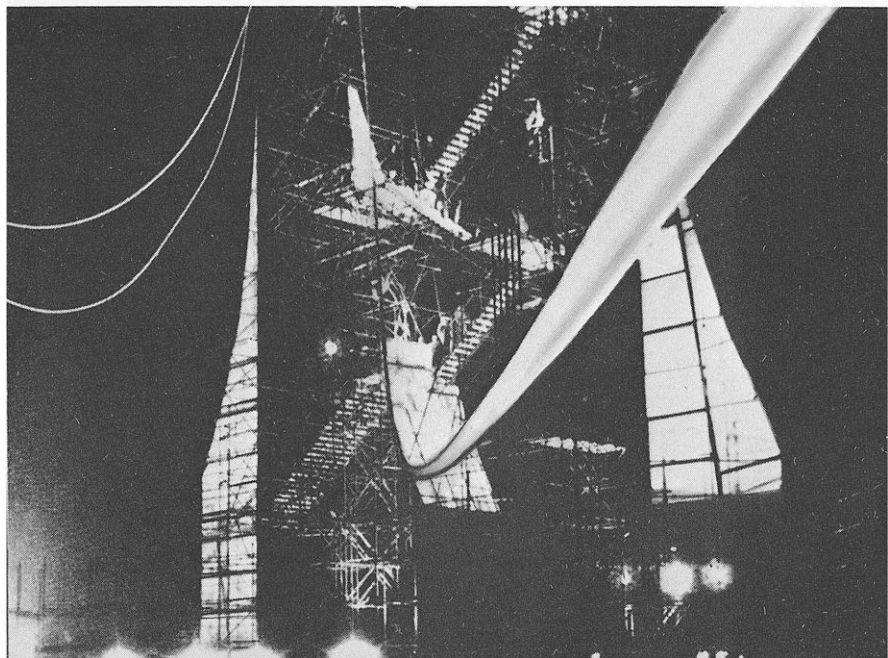
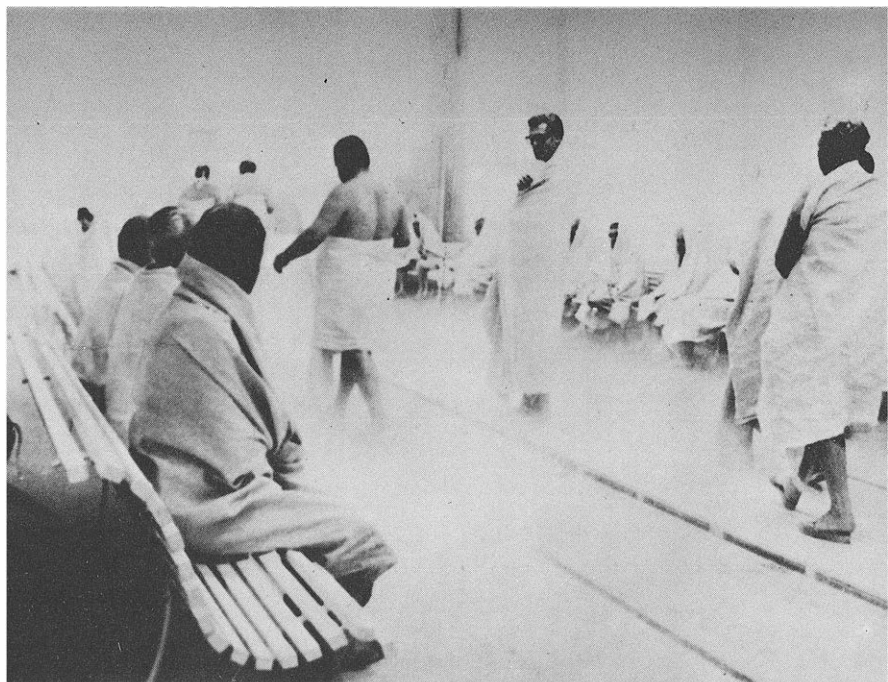
Феллини о Феллини

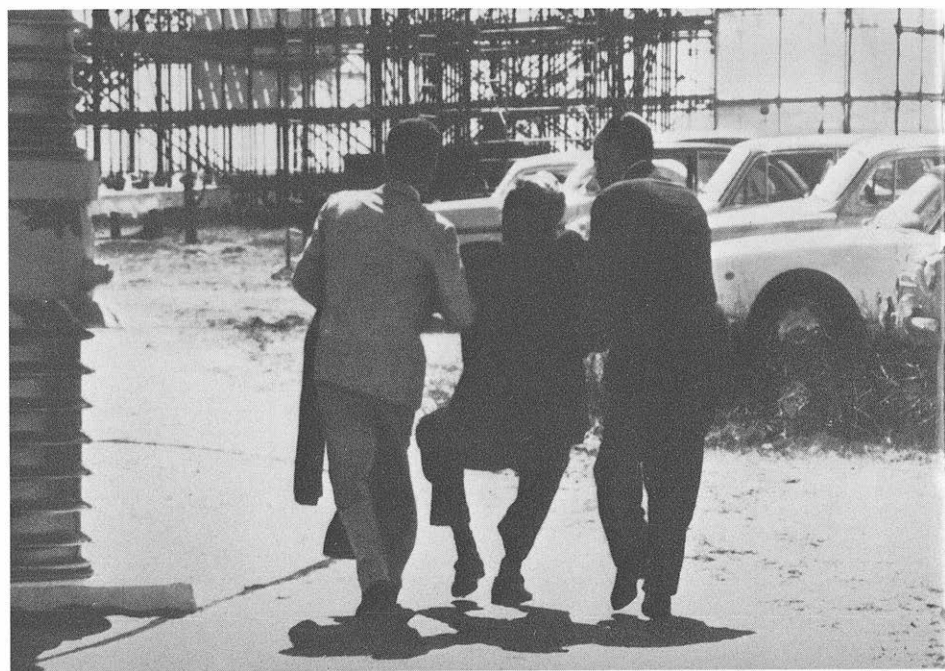

цветными лентами; с огромной охапкой этих пакетов в руках он направляется к входной двери. 161

Изнутри дома доносится женское пение.

ФЛАМАНДСКАЯ ФЕРМА. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Гуидо входит и оказывается в огромной кухне — нереальной, сказочно красивой, похожей на декорацию XVI века; очень высокий потолок поддерживают гигантские балки, и в глубине, под каменной аркой, виднеется деревянная лестница с несколькими площадками; в очаге, под высоким колпаком, пылает яркий огонь.

В кухне одни женщины, шесть-семь молодых женщин, и царит атмосфера веселого оживления — все громко болтают, звучат смех, шутки, песни. Одна из женщин хлопочет у очага, готовя обед, на ней изящнейший фартучек, под которым лишь трусики и лифчик, и когда она поворачивается, видны голая спина, бока и ноги. Другая, в нарядной ночной пижаме, прозрачной, почти из одних кружев, накрывает длинный стол темного дерева.

Девушка, затаенная в черное трико, выполняет акробатические упражнения на свисающей с потолка трапедии. Совсем юная балерина, в балетной юбочке, на пуантах, делает пируэты, высоко задирая ноги.

Другая, в очень нарядном вечернем платье, сидит развалившись в кресле.

Из вертящейся двери появляется девушка, одетая как молоденькая крестьянка, с плетеной корзинкой, полной фруктов. На возвышении, почти в самой середине кухни, сидит Луиза.

Она одета как для прогулки — весьма элегантно, немного в стиле прошлого века. Перед ней прялка, и она прядет, а другая, тоже очень изящная, дама, сидящая немного ниже, вышивает на пяльцах.

Гуидо с охапкой свертков в руках, войдя, останавливается и некоторое время глядит на женщин, потом ликующим голосом их окликает:

— Здравствуйте, мои дорогие!.. А вот и я!..

Луиза радостно вскакивает и, желая привлечь внимание остальных, материнским и веселым тоном, словно учительница к школьницам, громко обращается к ним:

— Девушки, он пришел!.. Гуидо пришел!..

Потом она бросается ему навстречу и обнимает, в то время как остальные со смехом и радостными возгласами окружают их, и каждая из женщин чмокает Гуидо. Гуидо здороваются со всеми ними по очереди, раздавая подарки, как маленьким девочкам.

Гуидо: Здравствуй, Луиза!.. Привет, Кларетта! Это тебе... Ах нет, тебе другой пакет. Этот для Адрианы... Здравствуй, Адриана... Франсуаза, это для тебя... Одну минуточку... Тут надписано имя... Проверь-ка... Да, правильно, Мареза... вот твой подарок... Привет, Рита... А где Карла?.. Нет, это для Луизы...

162 Женщины получают подарки, каждая разворачивает свой сверток с веселыми, радостными возгласами и восклицаниями.

Женщины: Потрясающе!.. О любовь моя!.. Как раз под цвет моего пальто!.. Спасибо, мое сокровище!.. А ты что получила?.. Дай-ка посмотреть... А погляди, что мне... Какая прелесть!.. Нет, это мое!.. А что мне?.. Дорогой мой, ты просто сокровище!.. Ты моя радость!..

Внезапно появляется и присоединяется к остальным, приблизившись стремительной танцующей походкой, Анна, ведя за руку своих детей. Гуидо ласково и покровительственно встречает это семейство с распростертыми объятиями и также вручает всем подарки.

Гуидо: Привет, Анна!.. Идите, идите сюда... Смелее, девочки, это для вас... А где же Карла?..

И с этими словами распахивает дверь, из-за которой доносится женское пение.

Посередине большой, богато обставленной комнаты, сплошь в коврах и занавесях, красуется огромная четырехспальная постель, на которой, вся в белых перьях, похожая на огромного лебедя, возлежит Карла. Она поет и одновременно ест мороженое. Гуидо здоровается с ней:

— Привет, Карла!..

Луиза веселым и радостным тоном громко говорит ей:

— Вставай скорее, Карла!.. Разве ты не видишь, что пришел Гуидо?..

Карла слезает с постели и шествует к двери, причем перья на ее одеянии колышутся.

Карла: Привет, мое сокровище!..

Тем временем Луиза при помощи двух других женщин стаскивает с Гуидо шубу, а он ласково обнимает ее за талию и подносит большой сверток — последний.

Гуидо: А это для тебя... самый большой... Для моей женушки...

Луиза, растроганная и обрадованная, его обнимает.

Луиза: Ах, Гуидо... Какой ты добрый!..

Гуидо спрашивает:

— У вас все в порядке?.. Все хорошо?

Одна из женщин, Мареза, подходит к нему с услужливым видом и, протягивая пачку листов, говорит:

— Вот... Я все перепечатала!.. Мне так понравилось...

Луиза: Ах, Гуидо, в самом деле... Ты никогда еще не писал ничего лучше этого!..

Вокруг, выражая одобрение, звучит хор восторженных голосов:

— Замечательно!.. Поразительно!

Гуидо между тем направляется к двери ванной, открывает ее и снисходительно отвечает:

— Да нет, нет, что вы... Так, ничего особенного...

Приоткрыв дверь, в приятном удивлении застывает на пороге,

...так как видит перед собой стоящую во весь рост в ванне, по икры в воде, словно она у берега моря, потрясающую девушку восточного типа в коротенькой юбочке и с гирляндой цветов на нагом золотистом теле.

Гуидо: А это кто такая?

Луиза: Новенькая. Я привела ее к нам сегодня утром. Правда, хорошенькая? Я сразу же подумала, что тебе она, наверное, понравится...

Потом, обращаясь к девушке, говорит ласково-поучительным тоном:

— Это Гуидо...

Гуидо подходит к нежно улыбающейся девушке и, глядя ее по щечке, спрашивает:

— Как тебя зовут?..

Девушка, улыбаясь еще нежнее, отвечает с экзотическим акцентом:

— Моана...

Луиза: Ну, поцелуй же...

Моана вытягивает шею и чмокает Гуидо, который отвечает на ее поцелуй, а потом принимается мыть руки в окружении трех или четырех прислуживающих женщин, в том числе и вышедшей из ванны Моаны. Одна протягивает ему мыло, другая — щеточку, третья — полотенце, а четвертая вытирает ему руки. Одновременно они разговаривают с Гуидо.

Луиза: Слушай, Гуидо, я просто не знаю, что делать с Кики...

Остальные вторят ей хором:

— Да, да... С ней что-то творится... Это невозможно...

Гуидо: Да, действительно... А где Кики, я ведь ее не видел?

Луиза: Конечно, ты ее и не мог видеть. Я ее наказала... Но ничто не помогает, ведь эта женщина — немка... Грубит, ни с кем не считается...

Женщины: Никого не уважает... Вечно дерзит...

Гуидо, продолжая вытирать руки, направляется к маленькой дверке в сопровождении Луизы и остальных женщин.

Луиза: Ты знаешь, я стараюсь проявлять терпение, но всему есть предел!.. Ты должен поговорить с ней... Дело в том, что она ревнует...

Женщины: Да, да, она ревнует!..

Луиза: Если она не прекратит себя так вести, придется ее попросить нас оставить... А мне бы этого вовсе не хотелось.

164 Guido делает жест, означающий: «Теперь ею займусь я, предоставьте это мне», и, продолжая вытирать руки, распахивает дверку и входит.

Внутри кладовки, на ступеньке деревянной лестницы, словно на насесте, пристроилась Кики — субретка, весь наряд которой сделан из каких-то блесток; на голове у нее цветной султан, глубокий разрез на юбке высоко открывает ноги. Она сидит нахмурившись, опершись подбородком на сжатый кулачок.

Guido: В чем дело, Кики?.. Что случилось?

Кики пожимает плечами и не отвечает, хмурясь еще больше и готовая вот-вот разреветься, словно большая толстая девочка.

Guido: Нет, нет, Кики... Так не годится... Никуда не годится... Почему ты грубишь Луизе?.. На тебя, знаешь ли, все жалуются... Нельзя быть такой ревнивой... Это нехорошо... Ты ведь знаешь, что я тебя тоже люблю?.. Ты навсегда останешься первой субреткой в моей жизни...

Хныча и путая итальянские, французские и немецкие слова, Кики отвечает жалобным и вместе с тем вызывающим тоном:

— Я ничего не сделала, мой дорогой... Это виноват голос... Я просто говорю так... Мой голос производит то, что я вовсе не думаю... Луиза ко мне плохо относится... Ах... Ах... Я не ревнива... А кроме того, черт возьми, я вообще могу уйти, если они не хотят, чтобы я тут жила...

Строго и ласково Guido продолжает:

— Ну хватит, перестань!.. Хватит!.. Вставай и иди за стол!.. Спускайся, суп уже готов... Подойди, поцелуй меня... И Луизу тоже...

Кики, неожиданно улыбнувшись сквозь слезы, выпрямляется на лестнице, поднимает вверх руки, словно в финале ревью, и нараспев восклицает по-немецки и по-итальянски:

— О любовь моя, любовь моя!

Потом, в то время, когда неизвестно откуда доносится музыка финала ревью, повторяющая припев песенки, Кики, продолжая петь, спускается по ступенькам.

Кики: Моя любовь!.. Моя любовь!..

Guido возвращается в кухню и весело командует:

— За стол!.. Живее за стол!..

Все женщины, смеясь и оживленно переговариваясь, радостно занимают места за очень длинным столом; пожилая толстуха, в которой Guido узнает Сарагину, вымытую и одетую кухаркой, приносит огромную суповую кастрюлю. Guido сидит между Луизой и Карлой.

У всех тарелки наполнены дымящимся супом; прежде чем приступить к трапезе, Guido на мгновение умолкает и сосредоточивается. Торжественным и взволнованным голосом, как персонаж из американского фильма, он говорит:

— Спасибо вам всем... Да, счастье состоит в том, чтобы

иметь возможность говорить правду, никого при этом не заставляя страдать... Приятного вам аппетита!

В ответ раздается хор веселых голосов. Все приступают к обеду, но постепенно жадное чавканье женщин, поглощающих суп, становится все громче, неприятнее, в нем появляется что-то свирепое, звериное. Гуидо становится не по себе, он чувствует, что атмосфера вокруг угрожающе накаляется. И в самом деле, внезапно на краю стола вспыхивает ссора между двумя женщинами—они схватываются словно кошки. Осыпая друг друга бранью, они царапаются, вопят:

— Идиотка!.. Стерва!.. Он мой!.. Ах!.. Шлюха!.. Ой, ой!..

Гуидо, хватив кулаком по столу, во всю глотку кричит им:

— Эй вы!.. Черт возьми!..

На мгновение все замолкают, наступает тягостная тишина, как затишье перед бурей, вокруг Гуидо раздается лишь приглушенный шепот и свистящее дыхание, все женщины смотрят на него мрачно, напряженно, с угрозой, словно готовые наброситься дикие звери. Гуидо медленно поднимается из-за стола, столь же медленно отступает на пару шагов, сдерживая женщин силой своего взгляда, как укротитель хищников...

КЛЕТКА ДЛЯ ХИЩНИКОВ НА ЦИРКОВОЙ АРЕНЕ. ИНТЕРЬЕР. ВЕЧЕР

И вот Гуидо, в венгерке с брандебурами, обтягивающих ноги лосинах и высоких сапогах, в центре большой железной клетки, установленной на цирковой арене. На него направлены лучи софитов, а ряды зрителей тонут в почти полной темноте; во мраке лишь угадывается тяжелое, напряженное дыхание публики. У Гуидо в руках длинный хлыст и палки, при помощи которых он держит на расстоянии превратившихся в тигриц женщин и заставляет их прыгать сквозь обруч.

Вокруг него все дышит угрозой и опасностью, атмосфера ненависти и жажды мщения; женщины-тигрицы то и дело бросаются на него, некоторым удается куснуть его за икры или оторвать ногтями шнуры и позументы с куртки; Гуидо защищается ударами хлыста, делает пируэты, то наступая, то пятясь, отгоняя хищниц к проходу, ведущему во внешние клетки.

Гуидо: Гопля!.. Гоп!.. Карла!.. Гоп, гоп, Кики!.. Гопля!.. Мареца!.. Гопля!..

Постепенно, одна за другой, женщины-тигрицы, рыча и шумно дыша, до последнего мгновения замахиваясь лапами, уходят по узкому проходу. Две последние—это Карла и Сарагина, и у обеих очень толстые бока—втискиваются почти одновременно и чуть не застревают; толкая друг друга и тяжело дыша, они пытаются высвободиться. Наконец, подгоняемые ударами хлыста, они протискиваются и друг за дружкой исчезают в проходе.

Раздается гром аплодисментов и раскатистый звук фанфар, исполняющих марш. Гуидо, с трудом переводя дыхание и

166 изрядно помятый, раскланивается, и все погружается в темноту...

КЕЛЬЯ И КОРИДОР В МОНАСТЫРЕ. ИНТЕРЬЕР. НОЧЬ

Теперь Гуидо окружают тишина и полумрак в белой, голой монастырской келье. Осторожно Гуидо подходит к двери и с порога произносит спокойным, ласковым, нежным голосом:

— Спокойной ночи, мои дорогие. Спокойной вам всем ночи.

Из множества выходящих в длинный-предлинный коридор дверей в ответ звучат тихие, очень нежные пожелания:

— Спокойной ночи, Гуидо... Спокойной ночи...

— Спокойной ночи...

— Спокойной ночи...

Гуидо прощально машет рукой в сторону дверей, и все они почти одновременно захлопываются. Он возвращается в свою келью, тоже закрывая за собой дверь, и, когда остается один, его охватывает чувство огромного радостного облегчения. Он вытягивается на узкой кровати, сложив руки на груди, и остается в таком положении, в полудреме устремив взгляд в успокаивающий, мягкий полумрак кельи.

Но вдруг до его слуха доносится приглушенный плач—горестный, разрывающий сердце... Гуидо, сильно встревоженный, прислушивается, потом встает, открывает дверь, выглядывает в коридор.

Почти полностью погруженный в темноту, коридор кажется бесконечным; все двери закрыты, никого не видно. Но этот, такой горький, плач доносится из самой глубины коридора.

С чувством возрастающей тоски и тревоги Гуидо осторожно идет в темноте по пустынному бесконечному коридору туда, откуда доносится плач...

Он идет на звук этого плача... И вдруг останавливается у деревянной решетчатой загородки, заглядывает за нее и видит Луизу, которая, прислонившись к стене, заливается слезами.

На лице Гуидо отображается глубочайшее огорчение, мучительные угрызения совести, и он даже не решается к ней подойти. Продолжая приглушенно всхлипывать и тяжело вздыхать, Луиза говорит:

— За что такой позор?.. Такое унижение... За что, Гуидо? Почему я из-за тебя должна так жить?.. Ведь я твоя жена... Ты мой муж...

Теперь и по лицу Гуидо текут горькие слезы—слезы раскаяния, душевных мук, тоскливого отчаяния... Он продолжает, словно любуясь и гордясь ею, смотреть на жену...

ЦЕРКОВЬ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Перед нами его жена, моложе, чем сейчас, на пятнадцать лет. Она, вся в белом, стоит рядом с Гуидо перед церковным алтарем.

Голос священника произносит:

— Брак налагает обязательство взаимной верности... Муж обязан заботиться о содержании жены, должен ее защищать, любить и уважать...

Луиза и Гуидо обмениваются взволнованным, нежнейшим взглядом, а голос священника продолжает:

— Хочешь ли ты взять в законные жены присутствующую здесь...

Глубоко растроганный Гуидо глядит на Луизу и отвечает:

— Да...

И в то время, как голос священника затихает и сливается со звуками органа, взгляд Гуидо остается прикован к образу Луизы — юной, взволнованной, влюбленной, полной надежд, в белом подвенечном наряде...

КУРОРТНОЕ КАФЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Оркестрик в кафе играет мазурку.

Гуидо и Луиза сидят рядом за столиком. Нависло тяжелое, напряженное молчание.

Столик, за которым сидела Карла, пуст.

Луиза очень возбуждена; очевидно, только что окончился между ними горький, неприятный разговор, у Луизы на глазах еще стоят слезы, и она избегает смотреть на Гуидо. Гуидо сильно взволнован; он не говорит ни слова, на сердце у него тоскливо и тяжело.

Вдруг Луиза резко встает и молча направляется к выходу.

Гуидо, после некоторого колебания, тоже поднимается из-за столика и очень медленно следует за ней.

УЛИЦЫ КЬЯНЧАНО. НАТУРА. ВЕЧЕР

Гуидо не спеша прогуливается по улицам городка. Как и на всех курортах и в местах отдыха, тут тоже имеется своя главная улица, полная притягательной силы: витрины магазинов, неоновые вывески, торговые павильоны, различные лавки и лавчонки. В одной из витрин выставлен огромный аквариум. В нем плавают женщины в ластах и масках с трубкой. Это реклама крупной американской фирмы купальных костюмов. Перед витриной толпится кучка молодых парней, некоторые с мопедами, велосипедами.

Далее тянутся другие павильоны и магазины, за ними вдруг стрелковые тир «Современный тир» и «Фотографический тир», старые, в барочном стиле, ярмарочные балаганы, полные зеркалец, воздушных шаров, мячей. Крашенная блондинка, женщина лет сорока пяти, с претензией на вульгарную элегантность, зазывает Гуидо пострелять в тире. Гуидо, вежливо отказываясь, отрицательно качает головой.

Затем опять идут магазины и уличное кафе, вроде кафе Дзанарини в Риччоне, под матерчатыми тентами, очень людное. Сразу за кафе — еще один магазин мужской одежды, рядом с ним — большой деревянный, почти пустой внутри павильон,

168 залитый неоновым светом, там выставлен стеклянный гроб факира. Покрытые пылью витрины украшают огромные афиши: «Великое чудо: факир Тулах воскреснет для вас через сорок дней после смерти. Вход — 100 лир»:

Павильон безлюден. Только какая-то женщина лет пятидесяти, по виду, наверное, немка, сидя рядом со стеклянным гробом, листает комикс. Она поднимает глаза, видит по ту сторону витрины Гуидо и вновь опускает глаза. Она одета скромно — в коротком вечернем платье, поверх которого дешевая шерстяная зеленая кофточка.

ПАВИЛЬОН С ФАКИРОМ. ИНТЕРЬЕР. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Гуидо не спеша входит. Женщина встает, идет ему навстречу и протягивает билет. Гуидо платит и спрашивает:

— Вы его жена?

Жена факира: Да.

Гуидо с любопытством смотрит на стеклянный гроб, вокруг которого кружит пчела; ее жужжание сливается с жужжанием неоновых трубок; некоторые из них неисправны — трещат, гаснут, вновь зажигаются. Гуидо осторожно подходит к гробу.

Гуидо: Когда он проснется?

Жена факира: В понедельник...

Гуидо: И как давно он лежит тут?

Жена факира: Уже двадцать пять дней...

Женщина пытается отогнать пчелу рукой, потом поворачивается и идет выключить неоновую трубку.

Гуидо молча заглядывает внутрь гроба: маленькая змейка, проснувшись, медленно ползет вверх по ноге факира.

Гуидо слегка вздрагивает. Осторожно отводит взгляд и машинально поднимает глаза на стекло витрины — она как раз перед ним.

По ту сторону витрины, на улице, он видит темноволосую девушку, очень элегантную, похожую как две капли воды на Клаудию из его видений. На несколько секунд Гуидо застывает в растерянности, словно боясь, что это галлюцинация, но привычные шумы вокруг не смолкают, напротив, все выглядит абсолютно нормальным и реальным: на улице, за стеклом, темноволосую девушку окружают несколько других девушек, которые ее, очевидно, о чем-то спрашивают. Рядом останавливаются прохожие, глядят на нее с любопытством. Темноволосая девушка улыбается, отвечает, окружившие ее люди протягивают ей листки бумаги и альбомы для автографов, и она начинает в них расписываться.

Гуидо стремительно распахивает дверь павильона.

Гуидо: Клаудия!

Клаудия приветственно машет ему рукой и, смеясь, отвечает: — Привет!..

Гуидо проталкивается сквозь все растущую толпу вокруг Клаудии.

Гуидо: Когда ты приехала?.. Почему ты меня не предупредила?..

Клаудия, кольцо вокруг которой сжимается все теснее, не отвечает; она по-прежнему улыбается, но уже слегка раздражена и, не скрывая этого, пытается отделаться от все растущего числа поклонников и охотников за автографами.

Клаудия: Ну все, хватит... Прошу вас... Извините... Вот последний, и все!.. Я не могу больше... Прошу вас...

Вмешивается Гуидо, он берет ее под руку и пытается проложить путь сквозь толпу, но ему это не удается, и тогда он втаскивает девушку внутрь павильона, отталкивая тех, кто старается протиснуться вслед за ними, и закрывает дверь.

Гуидо: Извините... Дайте пройти... Ну хватит...

Клаудия удивлена и испугана, неожиданно очутившись перед гробом факира, но, тотчас оправившись, с детской непосредственностью разражается веселым смехом.

Клаудия: А это еще что такое?.. Брр!.. Подумать только... У меня даже мурашки по коже пошли!..

И так как на улице прохожие продолжают толпиться перед витриной, Гуидо обращается к жене факира:

— Пожалуйста, синьора, будьте добры, задерните... Лишь на несколько минут... Мы скоро уйдем... Вот так... Разрешите...

И Гуидо сам задергивает занавеску на стеклянной витрине, скрывая от толпы то, что внутри павильона. Он снова просит извинения у женщины, которая смотрит на него растерянно и чуть враждебно:

— Извините... Всего каких-нибудь несколько минут...

Потом, взяв Клаудию за руки, обращается к ней:

— Клаудия!.. Красавица моя!.. Разве ты должна была приехать не завтра?.. Я бы ждал тебя в гостинице!..

И тянется поцеловать ее в щеку; Клаудия, улыбающаяся и непосредственная, тоже целует его в обе щеки и оживленно спрашивает:

— Ну, когда начнем работать?..

Наплыв

АВТОМОБИЛЬ ГУИДО (САЛОН АВТОМОБИЛЯ). ВЕЧЕР

Гуидо медленно ведет машину по загородной дороге, пустынной и темной; рядом с ним сидит Клаудия и внимательно его слушает, полная желанием понять его, замороженная, словно девочка, слушающая сказку.

Гуидо: Он ее видел, разговаривал с ней, потом создал ее образ на основе своего воображения... Смутный, расплывчатый, ему самому не совсем ясный... Ему не удается уловить его

170 сущности... В общем, твой персонаж... Девушка... должен был бы отчасти воплотить его — назовем это так — сентиментальные устремления. Хотя он не в состоянии их конкретизировать... придать всему этому реальную форму... Для него это важно, очень важно... Он не в силах от этого отказаться.... потому что, если бы он отказался, это означало бы лишиться всякой надежды... Понимаешь?..

Он смеется и меняет тон:

— Поэтому-то я и просил тебя приехать...

Клаудия, чуть сбита с толку, слегка улыбается и спрашивает серьезным тоном:

— А кто эта девушка? Студентка? Или работает?.. Где ты с ней познакомился?..

Гuido: Он, наверное, повстречал ее здесь... Нет, она не студентка... Сначала я думал, что она дочь сторожа здешнего музея, выросшая среди старых картин... И сама словно некий античный, чисто итальянский образ... Но потом передумал: нет, она, возможно, живет поблизости, в домике стрелочника на железной дороге... Она работает или у источника минеральных вод, или в гостинице... Это всего лишь наметки...

Клаудия смотрит на него — встревоженная, искренняя — и, вместе с тем, такая практичная.

Клаудия: Как это — наметки? Но эта роль есть или нет в сценарии фильма? Ох, чувствую, что вы ее еще даже не написали...

Гuido отвечает тоном шутивого признания, чуть вызывающе:

— Да, еще не написали... И даже еще не придумали...

Клаудия не совсем понимает, смеется над ней Гuido или говорит серьезно, но не скрывает, что искренне встревожена.

Клаудия: Но извини, а когда же я начинаю сниматься?.. Когда ты сумеешь начать съемки?

С подчеркнутой, шутилой уверенностью Гuido отвечает:

— Начну, начну, не волнуйся. Через две недели...

Смеется, потом продолжает другим тоном:

— Ты знаешь, этот фильм для меня немножко особенный... Персонажи, прежде всего твой, должны родиться отчасти в результате стечения определенных обстоятельств... Они не живут самостоятельной жизнью...

Ласково и в то же время насмешливо он спрашивает:

— Знаешь, что значит — самостоятельная?

Клаудия: Самостоятельная?.. Ну да, это и значит самостоятельная...

Без всякой связи, резко Гuido вдруг задает вопрос:

— Вот ты, например, была когда-нибудь влюблена?.. Ты могла бы влюбиться в такого человека?

Клаудия, поборов недолгое замешательство, сразу же, с

присущим ей здравым смыслом уточняет:

— А он, извини меня, женат или нет?..

Гuido: Да, женат, я тебе об этом уже говорил. Кроме того, у него имеется и другая женщина, любовница...

Клаудия: Ах!.. Так чего же ему еще недостает? Если жена его любит, мне этот человек не слишком-то симпатичен...

Гuido: Да, возможно, он действительно несимпатичный... А, собственно, почему он должен внушать симпатию?..

Клаудия: Но жену-то он по крайней мере любит? А кто играет его жену? У нее большая роль?

Гuido: Он не знает, любит ли он ее... В сущности, наверное, любит, и даже очень... Но его любовь—это непрерывные угрызения совести, а разве можно любить, мучаясь угрызениями? Она все более отдаляется от него, словно судья, который, даже если улыбается, все же выносит свой приговор... А другая... словно своего рода воспоминание... Нечто вроде матери, которая тебя кормит, но в то же время отравляет тебе жизнь... Ты следишь за моими словами?.. Понимаешь, что я хочу сказать?

Клаудия не скрывает охватившей ее тревоги. Она искренне отвечает, стараясь придать своим словам слегка шуточный оттенок:

— Понимаю только то, что все ужасно запутано...

Гuido смеется, но в глубине души взволнован. Он еще больше замедляет ход машины; автомобиль выезжает на небольшую площадь какого-то затерянного, малолюдного старинного городка.

Гuido осматривается вокруг, узнает место и говорит:

— Здесь где-то есть палаццо XVI века... Очень красивое... На маленькой площади... Погоди-ка...

Гuido переключает скорость, сворачивает в какой-то узкий переулок и выезжает на другую площадь—настоящий шедевр архитектуры чинквеченто; как на театральной декорации, в глубине площади, замыкая ее, высится старинный дворец—полузаброшенный, торжественный, таинственный.

Гuido останавливает машину, распаивает дверцу, выходит, следом выходит и Клаудия.

НЕБОЛЬШАЯ ПЛОЩАДЬ И ПАЛАЦЦО XVI ВЕКА. НАТУРА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Меж камнями неровно мощенной булыжником площади пробивается трава; стоящие вокруг невысокие дома кажутся необитаемыми и погружены в глубокую тишину, вокруг ни души. На городской башне бьют часы. *Гuido* и Клаудия молча озираются вокруг. Потом Клаудия тихо говорит:

— Как красиво!.. Я хотела бы, чтобы это все принадлежало мне...

Гuido берет ее под руку и продолжает прерванный разговор, но более интимным, чуть ли не исповедальным тоном, в котором

172 сливаются воедино искренность и стремление убедить собеседницу:

— Иногда мне кажется, что я представляю себе все совершенно ясно... Порой у меня даже такое ощущение, что фильм уже снят, готов... Быть может, потому, что это мои воспоминания... все лично мое... А иной раз, наоборот, все от меня ускользает, запутывается, кажется никому не нужным... как и вся моя жизнь... В чем ее смысл?.. А!..

Он, держа за руку, ведет Клаудию обратно к машине и тоном шутки, но очень доверительно добавляет:

— Только ты обо всем этом ничего не говори журналистам. Это я говорю только тебе... Никому ни слова...

Клаудия, удивленная неожиданным признанием и его тоном, смотрит на него с интересом и спешит заверить:

— Я? Никогда! Никогда не передаю того, что мне говорят... Они садятся в машину.

АВТОМОБИЛЬ ГУИДО. ВНУТРИ МАШИНЫ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Усевшись в машину и захлопнув дверцы, Guido, вместо того чтобы включить зажигание, поворачивается и окидывает сидящую в полумраке Клаудию чисто профессиональным взглядом.

Guido: Ты никогда не пробовала зачесывать волосы кверху? Как ты выглядишь, если сзади волосы поднять вверх?.. Попробуй-ка...

Клаудия спешит исполнить указание режиссера, но говорит: — Нет, мне не нравится... Мне не идет...

Guido: Повернись... Вот так... Тебе очень идет... Повернись-ка в другую сторону...

Несколько секунд он молча на нее смотрит, потом включает зажигание и продолжает:

— Я также думал о том, что он, наверное, часто представляет ее себе в разных позах и ситуациях... Вот такой... как ты сейчас... Потом на лугу... Затем однажды в гостинице, в его номере... Она приходит туда неожиданно... И они проводят ночь вместе...

Клаудия: А она что—влюблена в него?

Guido: Да, думаю, что да... Наверное, влюблена... Да нет, конечно же влюблена: этот новый дар... который его изумляет... меняет всю его жизнь...

Клаудия: Но, извини, эта девушка, несомненно, все же немножко странная: ведь она видела-то его только однажды!

Guido: Вот в этом все дело... Ей кажется, будто она с ним знакома давным-давно, знала его всегда... Например, она должна была бы сказать ему так: ты для меня мой первый мужчина, я ждала тебя, если хочешь, я уйду с тобой, если хочешь, буду тебя ждать, я согласна на что угодно, лишь бы быть вместе с тобой... Вот ты была бы способна сказать такое мужчине?

Клаудия немного взволнованна и растерянна.

Клаудия: Не знаю, все зависит от того... Если бы я правда его любила... Но это зависит и от того, как он себя поведет, что собирается делать дальше... Если эта бедная девушка действительно полюбила такого человека, как сильно, наверное, она должна страдать... А как ее зовут?..

Гuido: Я бы назвал ее Клаудией...

Клаудия: Но ведь так зовут меня...

Гuido: Да... Тебе это неприятно?.. Она должна быть такой, как ты... Ведь я и выбрал тебя...

Клаудия, улыбаясь, бросает на него неуверенный взгляд, вновь удивленная и взволнованная. Гuido тут же продолжает, но другим тоном:

— Я знаю, что не могу толком объяснить. Ну представь себе мужчину лет сорока... Такого, как я...

Клаудия: Ах... тебе сорок? А я думала...

Гuido: Что больше?..

Клаудия, как девчонка, пытается исправить свой промах:

— Да нет... просто в этих очках...

Гuido снимает очки.

Гuido: А так?..

Клаудия: Тридцать девять.

Оба смеются, потом Гuido продолжает:

— Нет, давай серьезно. Вообрази себе человека моего возраста... Он никогда не хотел до конца разобраться в собственных чувствах из-за своего рода нежелания смотреть правде в глаза... Или же только потому, что не умеет ее увидеть... В один прекрасный день он случайно знакомится с девушкой... которая похожа на тебя... Тебе сколько лет?

Клаудия: Двадцать один.

Гuido: Ты находишь, что она слишком молода?..

Клаудия отвечает искренне и серьезно, немного взволнованно:

— Нет, почему же?.. Если бы я действительно кого-нибудь любила, возраст для меня не имел бы никакого значения...

Наступает молчание. Гuido настолько сбросил скорость, что машина словно сама собой останавливается. Вокруг лишь ночные поля, тишину нарушает только стрекот цикад и какие-то шорохи. После паузы Клаудия, — Гuido, видимо, погружен в свои мысли и витает где-то далеко, — робко спрашивает:

— И чем же в общем это все кончается?

Гuido вздрагивает, мгновение молча на нее смотрит, потом, вместо того чтобы ответить, продолжает, словно следуя нити своих размышлений:

— Для него это так, будто перед ним стекло, за которым нечто очень для него важное... Слово возможность возродить-

174 ся... То есть нечто, что может ему помочь понять, что до сих пор он жил вдалеке от всего... Вне жизни... А он, хотя и до ужаса ясно сознает... истинность этого дара... Он настолько... настолько...

Клаудия: Труслив?

Клаудия произнесла это искренне и просто, но в тоне ее улавливается нечто глубоко личное; Гуидо слегка передергивает.

Гуидо: Ну, это, пожалуй, слишком сильно... Труслив, говоришь?.. Представь, что, когда я увидел тебя там, у факира, из-за стекла, я понял, что ты... Именно ты, Клаудия, такая девушка, как ты, быть может, способна полюбить меня... Что с тобой я мог бы начать все сначала... Конечно... я не знаю, как именно... Но представь, что это могло бы быть так... А потом у меня не хватило смелости разбить витрину... потому что вокруг были люди... из боязни быть принятым за сумасшедшего... Вот так, понимаешь?.. Да, в сущности, струсил... А ты немного подождала, улыбаясь мне... и ушла... Знаешь, в самом деле, когда я тебя увидел, я сначала даже засомневался, ты ли это, или мне лишь кажется...

Тон разговора, балансирующего, как на острие ножа, между вымыслом и реальностью, делается все взволнованнее, волнение охватывает и Клаудию. Вполголоса она отвечает:

— А он говорит все это ей?.. Если он ее любит, почему это не скажет?.. Это было бы проще...

Гуидо в полумраке смотрит на нее.

Гуидо: Да если бы он ей об этом и сказал... В том-то все и дело... Он так глубоко увяз... Так устал... Разве у него хватило бы смелости?.. На что он может надеяться?.. Как они, по-твоему, должны были бы поступить потом?.. Вместе уехать?..

Оба молчат, глубоко погружившись в свои мысли. Взволнованная и смущенная, но неизменно искренняя и честная, Клаудия наконец тихо отвечает:

— Конечно, если он не способен любить ни жену, ни ту, другую женщину, свою любовницу... то почему же он должен любить именно ее?.. Наверное, он вообще не умеет любить... а тогда все бесполезно.

Опять наступает пауза. Но очарование уже нарушено. Вновь деловым, наполовину шутивным, наполовину горьким, тоном Гуидо произносит, включая мотор:

— Так, значит, с этим все кончено, вопрос исчерпан. Вырежем эту роль. Или вообще не будем ставить фильма.

Клаудия, приободрившись, но все же чуть встревоженная, в тон ему шутивно говорит:

— Но у меня же имеется контракт, и вам придется мне заплатить...

Гуидо, быстро ведя машину, продолжает:

— И все же эта девушка существует... Да, существует. Я знаю, что она есть. Я с ней знаком. Вот здесь...

Он резко тормозит.

— Я даже знаю ее адрес. Она живет вон там... В том домике, рядом с будкой стрелочника... Сейчас я тебе покажу, чтобы ты убедилась...

Его слова рассмешили Клаудию, и она чуть возбужденно, по-детски смеется и спрашивает сквозь смех:

— Да куда ты пошел?.. Что ты делаешь?

Гуидо вытаскивает ее из машины.

Гуидо: Пойдем туда... Позвоним, и я покажу тебе Клаудию...

ДОРОГА И ДОМИК СТРЕЛОЧНИКА. НАТУРА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Автомобиль остановился неподалеку от железнодорожного переезда, у которого стоит домик; окна закрыты, изнутри не доносится ни звука.

Гуидо берет за руку хохочущую, как девочка, Клаудию— она возбуждена и слегка растерянна— и направляется к домику.

Гуидо: Идем... Где тут звонок?

Клаудия вырывает руку и отбегает назад.

Клаудия: Нет, нет... Что ты им скажешь?.. Так поздно?.. Не сходи с ума... Тем более я тебе все равно не верю...

Но ее это забавляет, и кроме того, она не совсем уверена в том, что Клаудии действительно не существует. Гуидо звонит, стучит в дверь.

Гуидо: Клаудия спит... Вот там ее комната... Сейчас она выйдет...

Его прерывает шум открывающегося окна; из окна выглядывает пожилая растрепанная и заспанная женщина. Клаудия, продолжая смеяться, не знает, что ей делать, и в испуге бросается к автомобилю, чтобы в нем спрятаться.

Женщина: Кто там?.. Что вам нужно?..

Гуидо: Извините... Бухгалтер... Тот, что служит в муниципалитете... не знаю, как его фамилия... живет здесь?..

Женщина: Кто?..

Гуидо: Бухгалтер из муниципалитета... Я забыл его фамилию...

Женщина: Нет, нет... Какой еще бухгалтер?.. Нет, здесь живем мы...

Гуидо: Очень жаль... Пожалуйста, извините... Нам так сказали. Спокойной ночи.

Женщина захлопывает окно. Гуидо возвращается к Клаудии, которая, теперь уже не сдерживаясь, хохочет, как девочка.

Клаудия: Вот это и есть твоя Клаудия?..

176 Шутливо, но теперь уже не скрывая желания прикоснуться к ней, Гуидо берет ее за руку.

Гуидо: Это ты—моя Клаудия...

И пытается поцеловать ее в волосы. Клаудия смеется и, отстраняясь от него, садится в машину. Из машины говорит:

— Вернемся?.. К тому же я немного проголодалась...

Гуидо захлопывает дверцу и рассеянно отвечает:

— Да... Вернемся...

И обходит кругом машину, чтобы тоже занять свое место.

Затемнение

БЕРЕГ ОЗЕРА И КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. НАТУРА. ДЕНЬ

Автомобиль Гуидо подъезжает к большой металлической конструкции, строительство которой уже закончено.

Вокруг на песчаном берегу небольшая толпа ожидающих; журналисты, фотографы, приглашенные, актеры, актрисы, члены съемочной группы, технические работники и представители администрации. Длинный стол буфета, за которым стоят три-четыре официанта в белых куртках, подчеркивает светский характер мероприятия. По обеим сторонам дороги, не доезжая пляжа, где только можно, припарковано множество автомобилей.

Гуидо сопровождают Луиза и Карини, однако их сразу же поглощает кучка людей, тесно окруживших режиссера. В числе ожидающих также Росселла, Тина, Микела, Энрико, Д'Андреа; мы узнаем также нескольких актрис, участвовавших в пробах.

Первым навстречу Гуидо с торжествующим видом бросается инженер Паче, таща за собой под руку американского актера, который должен будет играть главного героя; он его уже велел загримировать, чтобы усилить рекламный эффект пресс-конференции. В то время как актер настойчиво протягивает руку Гуидо, инженер Паче энергично подает фотографам знак, чтобы они не упустили момент; в самом деле, рукопожатие затягивается, и Гуидо, зажатого в кольцо толкающих друг друга людей, расстреливают из фотокамер, ослепляя вспышками. Потом Паче, при помощи Бруно и ассистентов, пролагает путь сквозь толпу к лесенке пусковой площадки.

Паче: Проходите, проходите... Поднимайтесь... Вот так, когда там, наверху, захлопнут, уже не убежишь... Можете задавать вопросы сколько влезет... Одну минутку... Пожалуйста, остановитесь вот здесь... На лестнице... Гуидо...

Остановившись на середине лестницы, Гуидо и актер вновь стискивают друг другу руки, а фотографы щелкают аппаратами со вспышками. Потом Гуидо продолжает подниматься по лесенке, а следом за ним, почти наступая ему на пятки, группа

журналистов и актеров. Такое впечатление, что его сопровождают на смертную казнь, ведут по ступеням к гильотине.

Когда они достигают верхней площадки, Паче сразу же подводит Гуидо к маленькому столику, возле которого установлен микрофон. Все готово для пресс-конференции. Гуидо ищет спасения за столиком, словно за барьером, который отделил бы его от напирających со всех сторон людей, но кольцо вокруг него тотчас тесно смыкается. Рядом с ним, словно его карикатурный двойник, занимает место загримированный актер; по другую сторону становится инженер Паче, который подает ободрающий знак журналистам, в то время как Бруно раздает отпечатанные листки...

Паче: Любые вопросы, какие только хотите... Теперь у нас уже нет никаких секретов... Послезавтра первый поворот ручки съемочного аппарата, начинаем съемки... Список исполнителей ролей, сведения технического характера—все тут, в этом проспекте...

Немедленно один из журналистов начинает допрос, сразу же принимающий враждебный и безжалостный характер.

1-й журналист: Вы узнаете себя в герое фильма?..

И указывает на загримированного актера.

Гуидо: Всегда... Более или менее бессознательно... я сказал бы, что главный герой отражает...

Его сразу же перебивает второй журналист, который настойчивым тоном спрашивает:

— Правда ли, что речь идет об автобиографической исповеди?

Гуидо: Разве можно когда-нибудь провести четкую границу между автобиографией и вымыслом?.. Я так полагаю...

3-й журналист: Если ваш фильм научно-фантастический, означает ли это, что научно-фантастическую тематику вы использовали как попытку бежать от своего реального существования?

Гуидо: Не совсем так... Не только от лично моего... Скорее, это поиски нового пути...

Его тут же перебивает другой журналист; в то время как тот задает свой вопрос, растерянный взгляд Гуидо устремляется на открывающийся внизу, вокруг сооружения, необъятный простор песчаного берега и моря.

4-й журналист: Проблема некоммуникабельности действительно является для вас основной проблемой—или же это только повод, предлог?

Гуидо: Думаю, что теперь это уже лишь предлог для всех... Общее место, банальность...

На него наступает 1-й журналист:

178 — В таком случае, скажите, что вы хотите выразить этим фильмом?

Его перебивают другие.

3-й журналист: Вы действительно думаете, что ваш автобиографический опыт, ваши личные переживания могут представить интерес для зрителей?..

5-й журналист: Как оправдать этот уход от неореализма в мир чувств?..

6-й журналист: Ваш фильм—это итог вашей деятельности или своего рода завещание?

Кольцо все туже сжимается вокруг Гуидо, который вновь то и дело обращает потерянный взгляд к небу, морю¹, пустынному простору дюн...

Неожиданно вокруг смолкают все реальные шумы, а вопросы делаются все более яростными, взгляды и жесты—все более угрожающими, атмосфера все более накаляется, и происходящее начинает походить на линчевание.

Журналисты: Ваша жена знает о том, что это автобиографическая исповедь?

— Что думает ваша жена о ваших внебрачных связях?

— Это правда, что вы собираетесь разводиться? Или же ваша жена смирилась и утешается с любовником?

— Вы знаете, что этот фильм—исповедь импотента?..

— Если вы неудачник, банкрот, так чему же вы собираетесь нас учить?..

— Согласитесь, что вам больше нечего сказать...

— Что вас еще удерживает от самоубийства?..

— Почему бы вам не исчезнуть достойно?..

— Не путайтесь под ногами... Не мешайтесь...

И тотчас же один из интервьюеров хватается кирпич и запускает им в голову Гуидо. Другой вооружается мотком электропровода и бросается на него. Остальные следуют его примеру.

Линчевание начинается...

Наплыв

Полуодетый, оборванный, окровавленный, Гуидо стоит на берегу. Вокруг него разреженная тишина.

Кругом еще виднеются небольшие группки журналистов и приглашенных, которые разговаривают между собой, видимо прощаясь по окончании церемонии. Рядом с Гуидо—помощник директора картины, коренастый мужчина мрачного вида, который растерянно глядит на него с искренней жалостью.

Помощник: Черт возьми, дотторе!..

И умолкает. Гуидо ошеломлен, словно лишился памяти. После паузы помощник директора картины продолжает:

¹ Так в тексте. (Прим. переводчика.)

— Черт возьми, дотторе!.. Вы видели?.. Они же забили его насмерть!

Guido: Меня?

Помощник: А вы разве не видели?.. Черт возьми!..

На лице Guido,— сплошь в синяках и кровоподтеках,— отражается огромная радостная надежда.

Guido: Да неужели?! Тогда, значит...

Его собеседник пожимает плечами, он искренне огорчен, но, видно, уже смирился.

Помощник: Эх!..

Guido: Так тогда, значит, я...

Помощник утвердительно кивает головой, разводит руками и указывает на что-то на берегу моря.

Guido поворачивается и видит стоящий там похоронный автофургон. Guido глубоко взволнован, но это радостное волнение, полное надежды и чувства освобождения.

Guido: Слава богу!.. Ты знаешь, я действительно доволен!.. Могу я теперь уйти?.. Могу уйти?

Помощник директора глядит на него чуть удивленно и говорит:

— Да нет, погодите, я кого-нибудь позову... Неужели вы хотите уйти в таком виде?.. Инженера... Дотторе Бруно...

Guido: Нет... нет... нет... Не беспокойтесь... Никого не надо...

Помощник директора чуть ли не шокирован.

Помощник: Но по крайней мере вашу жену... Вашу свояченицу... Дотторе!..

Guido: Нет, нет... И жену не надо... Все прекрасно и так... Если бы ты только знал, как я доволен!.. Тише, не суетись, никого не зови... Спасибо тебе... До свидания... Прощай...

И Guido направляется легким, свободным шагом к автофургону. Он садится рядом с водителем в серой ливрее и фуражке и смотрит на него. Это американский актер—загримированный, безмолвный, неподвижный. Машина медленно трогается.

Берег, космический корабль, море почти тотчас исчезают из виду; машина бежит ровно, плавно, без толчков, теперь она едет по замечательно красивой зеленой цветущей долине. Guido, счастливый, как зачарованный смотрит кругом, вдыхает свежий, пропитанный ароматами ветер, бьющий ему в лицо...

Автомобиль проезжает сквозь огромную, поразительно красивую церковь, празднично украшенную внутри, сверкающую бесконечным множеством огней. Мощные звуки органа, торжественные и нежнейшие, несколько мгновений сопровождают путь машины, которая теперь углубляется...

...в бесконечно длинную музейную галерею, стены которой

180 увешаны поразительными шедеврами живописи; ...музей исчезает, сменяясь монументальной площадью совершенной, строгой гармоничной красоты, погруженной в тишину и пустынной...

...Но теперь мы видим, что машина начинает долгий спуск по спирали; во время этого спуска появляются, исчезают и появляются вновь, в настойчивом, бесконечном ритме, места, люди, вещи из жизни Гуидо: огромная статуя кардинала, спальня в гостиничном номере с Карлой, лежащей в ожидании в постели; гостиничный холл с Луизой, большая комната технического отдела с Бруно и инженером Паче, школьная парта, крестьянская ферма, пляж с Сарагиной... Ритм нарастает, делается все настойчивее, неотвязнее, возвращения все чаще и кошмарней, появление вновь и вновь тех же мест, тех же людей становится все невыносимее, безжалостнее, безысходнее...

Гуидо с расширенными глазами, весь потный, не в силах справиться с охватившими его ужасом и отчаянием, испускает душераздирающий вопль...

Затемнение

СПАЛЬНЯ ГУИДО В КУРОРТНОЙ ГОСТИНИЦЕ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Гуидо заканчивает укладывать последний чемодан. Два других, уже закрытые, стоят у двери. В комнате царит беспорядок отъезда.

В кресле сидит Карини. Он говорит, как всегда, отстраненно и невозмутимо-спокойно. Гуидо молчит, возможно, он даже толком не слышит слов своего собеседника.

Карини: В сущности, терять деньги—это словно один из составных элементов ремесла продюсера... Ты поступил совершенно правильно. Другого выбора не было... Паче этого заслуживает: не следовало так легкомысленно ввязываться в столь рискованную авантюру... Неудачный фильм для него был бы лишь вопросом финансового порядка, для тебя же, в том состоянии, до которого ты дошел, это мог быть конец, катастрофа... Оставь их, пусть себе кричат... У тебя хватило смелости отказаться, ты спасся вовремя, в последнюю минуту...

Стук в дверь. Входит лифтер, показывая на чемоданы, спрашивает:

— Можно забирать?..

Гуидо: Да... Снеси вниз...

Пока лифтер берет чемоданы и выносит, Гуидо заходит в ванную бросить последний взгляд, озирается вокруг и говорит:

— Ну что ж... Пойдем...

И выходит впереди Карини.

ГОСТИНИЧНЫЙ КОРИДОР И КОМНАТА ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ 181

Гуидо и Карини, следуя за лифтером, несущим багаж, идут по коридору. Проходя мимо комнаты технического отдела, Гуидо приостанавливается на пороге и делает несколько шагов внутрь.

И здесь тоже атмосфера эвакуации. Со стен содраны фотографии, макеты валяются на полу, некоторые уже сломаны, еще не заколоченные ящики до половины наполнены самыми различными предметами.

Двое рабочих под руководством молодого парня — одного из ассистентов режиссера — собирают и укладывают вещи. Они смотрят на Гуидо как-то странно, с серьезным видом, не то чтобы враждебно, но, несомненно, без всякой симпатии. Гуидо с ними прощается:

— Ну, до свидания... Мы с вами скоро опять встретимся... На следующем фильме...

Один из рабочих, пожав плечами, говорит:

— Что ж, будем надеяться...

Двое других тоже с ним прощаются. Гуидо уходит.

Наплыв

ГОСТИНИЧНЫЙ ХОЛЛ. ИНТЕРЬЕР. ДЕНЬ

Огромный холл почти безлюден. На улице догорают последние краски дня.

Луиза, одетая для дороги, сидит на маленьком диванчике в углу. Рядом с ней стоят три-четыре больших чемодана. Увидев Гуидо и Карини, выходящих из лифта, Луиза поднимается, берет сумочку, жакет от костюма, зонтик; тем временем портье идет навстречу Гуидо и спрашивает, показывая на чемоданы:

— Прикажете погрузить?

Гуидо: Да, и мои тоже...

Луиза уже вышла в сад. Портье подает знак носильщику и груму, которые спешат взять чемоданы Луизы и идут вслед за лифтером, несущим багаж Гуидо. Гуидо и Карини выходят из гостиницы.

КУРОРТНЫЙ ПАРК. НАТУРА. ДЕНЬ (СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТ)

Носильщики и грум грузят багаж в маленький гостиничный автобус; окончив, становятся рядом с портье в ожидании чаевых. Гуидо раздает чаевые, в ответ ему кланяются и желают доброго пути. Обращаясь к Карини, Гуидо говорит:

— Извини, что я тебе оставляю эти хлопоты с машиной... Завтра ее отремонтируют... Как только приедешь, позвони мне... Я заеду к тебе за ней сам... И спасибо большое...

И затем с трудом, через силу добавляет, не глядя на него:

— За все...

Карини целует руку Луизе, которая сразу же садится в автобус; Гуидо обменивается с Карини рукопожатием и влезает за ней следом. В то время как автобус трогается, Карини машет им рукой и отчетливо произносит:

— Все прекрасно... Никаких угрызений... Ты поступил правильно...

Маленький автобус едет, шурша галькой, по пустынной аллее и в ворота выезжает на улицу.

УЛИЦА КУРОРТНОГО ГОРОДКА. НАТУРА. ДЕНЬ (СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТ)

Гостиничный автобус мчится по улицам курортного городка. Светящихся реклам стало гораздо меньше; пестрая толпа лечебного сезона почти полностью исчезла с улиц. Городок постепенно принимает свой обычный провинциальный, довольно жалкий вид.

САЛОН АВТОБУСА. ДЕНЬ (СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТ)

Усевшись внутри автобуса, отвозящего их на вокзал, Гуидо и Луиза начинают и продолжают исполненный горечи разговор, но ведут его сдержанно и спокойно.

Луиза: Разве и ты не будешь себя чувствовать более свободным? Я предлагаю тебе полную свободу. Тем более что я ни в чем не могу быть тебе полезна и только мешаю и раздражаю тебя...

Гуидо: Я никогда этого не говорил. Если бы это было так, то на том, чтобы разъехаться, настаивал бы я, не так ли?

И, искренне пытаясь быть сердечным, с улыбкой добавляет:
— Но этого хочешь ты.

Луизу передергивает, она не скрывает своей горечи и досады—ей это кажется с его стороны попыткой поверхностно-го компромисса, продиктованного эгоизмом.

Луиза: Но более свободной себя чувствовала бы и я. Послушай, я прошу тебя подумать об этом серьезно, потому что чувствую, что так жить дальше я не в силах. Это, знаешь ли, не очень-то приятно. Постоянное ощущение, что я вишу на тебе грузом... заставляю тебя лгать... Я не могу так больше...

Гуидо: Ты говоришь так, будто ты по моей вине живешь как в аду. Мне так не кажется.

Луиза: Что ты об этом знаешь? Я ведь не говорю тебе об этом каждый раз, когда меня охватывает отчаяние...

Наступает пауза, затем Гуидо продолжает разговор:

— Ну хорошо, допустим, мы разъедемся. А что дальше? Мы об этом уже говорили тысячу раз. Мы разъедемся—и что же будем делать потом? Что изменится? Ты все равно останешься моей женой, а я твоим мужем. Ты себе станешь искать кого-то

другого? Скажи честно, Луиза, ты стала бы жить с кем-то другим?

На этот раз Луиза отвечает довольно агрессивно, со все возрастающей горечью:

— Значит, ты ничего не понял. Подумать только! Я хочу этого именно для того, чтобы жить спокойно. В мире и покое. Хотя бы чуточку покоя, если уж нет ничего другого. Вот так, чтобы на сердце было спокойно. Я совершила ошибку — и кончено, с этим все! Не будем больше вспоминать. Ну, значит, не повезло.

Guido смотрит на нее с жалостью, как на маленькую девочку.

Guido: Будешь жить одна? Но, Луиза, тебе же всего тридцать семь лет! Что ты будешь делать одна в твоем возрасте? Десять, двадцать лет жить одной... пока не состаришься...

Луиза: А что, разве теперь я не одинока? Что даешь мне ты? Ты спрашиваешь, что у меня в перспективе? Я могу начать все заново, вот что. Пока еще не слишком поздно. Найду себе что-нибудь, начну все сначала...

Guido: Да разве теперь начнешь новую жизнь... После четырнадцати лет...

Он умолкает на полуслове, потому что автобус останавливается. Guido сразу же открывает дверцу и выходит; уже успевший выйти шофер спешит ему навстречу.

Автобус стоит у дверей вокзала.

Guido поспешно говорит шоферу:

— Пожалуйста, выгрузи поскорее.

Потом зовет:

— Носильщик!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ПЕРРОН. НАТУРА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Теперь Guido и Луиза стоят на платформе в ожидании поезда.

Отъезжающих немного, и поэтому длинный перрон, тонущий в уже сгустившихся вечерних сумерках, кажется почти безлюдным. Настойчиво трещит звонок, предупреждающий о прибытии поезда. Guido и Луиза продолжают разговор, но их голоса звучат еще тише, в них чувствуется все большая растерянность, глубокая тоска и волнение.

Guido: Дело не в том, что наш брак неудачен... Даже если бы существовал развод, это не помогло бы... Вот в чем вся беда. Знаешь, Луиза, я уверен, что, если бы даже еще раз женился, я вряд ли нашел бы жену лучше тебя. Все было бы абсолютно точно так же и даже, наверное, еще хуже...

Луиза: Для тебя, может быть... А для меня? Ты всегда думаешь только о себе...

Guido: Нет, это как для меня, так и для тебя и для всех остальных. Все изменить!.. Что это значит? Ты действительно

184 уверена, что другой муж... другой мужчина будет лучше меня? Может быть, и будет, но настолько ли лучше, чтобы это оправдывало усилия начать все сначала? Усилия, риск, огорчения...

Луиза мгновение молчит в глубоком замешательстве, близком к отчаянию. Потом спрашивает прерывающимся от волнения голосом:

— Так что же делать?

Такое же безутешное отчаяние и в голосе Гуидо:

— Значит, ничего.

Луиза: Но разве это может так продолжаться? Сколько еще времени? Всегда так, вечно, до самого конца?

Гуидо: Я уверен, твердо уверен, это какое-то недоразумение. Серьезнейшее недоразумение. Кто знает, наша ли тут только вина...

Вдалеке на рельсах показался поезд, его зажженные фонари быстро приближаются. Затем поезд замедляет ход и останавливается. Сквозь нарастающий грохот Луиза отвечает:

— Но я не хочу так продолжать!.. Жить так всегда, до самой смерти!

Наплыв

ВАГОН-РЕСТОРАН. САЛОН ВАГОНА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Гуидо и Луиза сидят за столиком, ожидая, когда подадут ужин. Они не разговаривают, каждый погружен в свои мысли.

Несколько человек сидят за другими столиками, вокруг царит атмосфера тишины и одиночества. Поезд мчится на полной скорости.

Гуидо смотрит на быстро мелькающий за окном вагона ночной пейзаж...

Кучка освещенных домов, потом сразу же вновь погруженные в темноту поля, по которым бежит тень поезда с ярко светящимися окнами. Деформированный силуэт Гуидо то удлиняется, то укорачивается, исчезает, вновь появляется...

Короткий тоннель на несколько секунд поглощает поезд; отблески освещенных окон пляшут с огромной быстротой на черных стенах, в грохоте и лязге, а потом вновь бегут, ложась на поля...

Вдалеке темнеют громады гор, вершины которых еще золотит неверный слабый свет...

За деревянной изгородью на мгновение вырисовываются в полумраке неподвижно застывшие, как статуи, лошади...

Тень Гуидо снова вытягивается, сжимается, со страшной быстротой танцует на пустынных полях...

Гуидо рассеянно переводит взгляд внутрь вагона, останавливается на Луизе и пристально, неотрывно на нее смотрит. Луиза поднимает глаза, и взгляды их встречаются. В них словно взаимный вопрос, взаимная попытка раскрыть душу... Гуидо вновь глядит в окно, Луиза отводит взгляд в сторону.

И снова за окном мелькают ирреальные, фантастические образы ночного мира, сквозь который на полной скорости мчится поезд, появляются и исчезают, появляются и исчезают — в том же ритме, что стучат колеса по рельсам...

Вновь Гуидо переводит взгляд внутрь вагона, но теперь вагон-ресторан со своими столиками, освещенными лампами под розовыми абажурами, кажется ему нескончаемо длинным, таким же нереальным, как и пейзаж за окном поезда, а все столики — занятыми множеством людей. Это странная толпа — спокойная, сдержанная, безмолвная; тут отец и мать, кардинал и Сарагина, Клаудия и Карла, все женщины из его гарема и Карини, факир, телепаты и Медзаботта — все персонажи из жизни Гуидо, все вместе они едут к одной, общей цели, никого из них не надо отвергать, ни от кого не надо отказываться, все они тихо и мирно улыбаются Гуидо, как хорошие друзья...

Лицо Гуидо резко меняет выражение — на нем отражаются чувства глубочайшего волнения, растроганной признательности. Глаза у него вспыхивают, словно от неожиданно сделанного открытия. Он вскакивает на ноги, шевелит губами, словно произносит какие-то отрывочные, бессвязные слова...

Луиза глядит на него в изумлении, официант, принесший ужин, ошеломленно застыл с тарелкой в руке.

Гуидо, стоя во весь рост, с вдохновенным видом, будто на него сошло озарение, путаясь говорит, обращаясь ко всем нам, к публике в зрительном зале:

— Да, да... Правильно, вот так... Я понял... это же совсем просто... все вместе... как будто мы... все вместе... я... вы... О, господи, ну как же это объяснить?... Спасибо всем вам... Нужно лишь одно... Не упираться... Не противиться... Это же совсем просто... все прекрасно... прекрасно... только вот... — Он приостанавливается, в замешательстве озирается вокруг...

Вагон-ресторан принял нормальные размеры, свой обычный вид. Толпа рассеялась, за столиками сидят лишь несколько пассажиров. Луиза и официант смотрят на него с изумлением.

Гуидо, смущенный, еще весь во власти пережитого им волнения, пытается улыбнуться и садится на свое место. Пока официант его обслуживает, он сидит опустив голову, весь охваченный чувством какой-то радостной растерянности. Когда официант уходит, он поднимает глаза на Луизу.

Озарение, которое на мгновение его посетило, уже растаяло, как сон, и он теперь всеми силами пытается прояснить его себе, вновь прочувствовать, понять, но ему это не удается, и все же у него в душе осталось после этого чувство глубокого и радостно-волнения, чуть ли не счастья...

Неожиданным резким движением он протягивает руку над столом и сжимает руку Луизы. Он вновь смотрит на зрителей в зале — в последней, отчаянной попытке сообщить, передать им нечто, что уже далеко-далеко, забыто, неуловимо...

Изображение медленно гаснет, и с темного экрана доносится лишь неудержимый, уверенный, мощный и ритмичный шум поезда, мчащегося сквозь ночь навстречу надежде.